

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

исторический роман

СИНОП

Морская слава России

Владимир Шигин

Синоп (Собрание сочинений)

«ИП Каланов»

2000-2009

Шигин В. В.

Синоп (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов»,
2000-2009 — (Морская слава России)

Книга посвящена первому периоду Крымской войны, в ходе которого Черноморский флот под командой П.С. Нахимова одержал выдающуюся победу над турками при Синопе, а также боевым действиям российской армии на Дунае и на Кавказе в 1853 году. Среди героев книги император Николай Первый, вице-адмиралы Нахимов и Корнилов, капитан 2 ранга Бутаков, офицеры и матросы Черноморского флота, Дунайской армии и Кавказского корпуса.

© Шигин В. В., 2000-2009

© ИП Каланов, 2000-2009

Содержание

Часть первая	6
Первая глава	6
Вторая глава	10
Третья глава	29
Четвертая глава	37
Пятая глава	48
Шестая глава	63
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Владимир Шигин

Синоп

*Умом Россию не понять,
Аришином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

Ф.И. Тютчев

©Владимир Шигин
2020

Уже вступила в свои права середина девятнадцатого века. По бескрайним просторам земли, громящая на стыках рельсов, всюду дымили огромными трубами паровозы, а по морям истоиво молотили колесами не менее неуклюжие пароходы. Биологи, открыв живую клетку, мечтали теперь заглянуть и в нее, а Дарвин, дописывая последние главы знаменитого «Происхождения видов», готовился ошеломить человечество новыми обезьяньими предками. С не меньшим усердием трудился над своим «Капиталом» и Карл Маркс, вычисляя прибавочную стоимость и мечтая о мировой пролетарской революции. Ценители живописи еще восторжались барбизонской живописной школой, но уже поднимали голову ниспровергатели авторитетов – импрессионисты. В моду входила веселая и беззаботная оперетта и воздухоплавание, а, озаряемая вспышками магния, фотография уже позволяла запечатлеть для потомков мгновения бытия. Люди радовались жизни и с надеждой смотрели в будущее. Кто мог тогда подумать, что в те дни мир замер на пороге очередной кровопролитной войны...

Часть первая На подступах

Первая глава Спор за святые места

Еще 1850 году принц-президент Франции Луи-Наполеон неожиданно для всех заявил, что отныне Франция будет покровительницей всей католической церкви в Турции. В Европе, зная, что сам Луи-Наполеон ни набожностью, ни тем более благочестием никогда не отличался, откровенно недоумевали – с чего бы это вдруг такая забота? Ответ, впрочем, лежал на поверхности – племянник жаждал славы своего великого дяди и искал повода с кем-нибудь подраться.

Пока о новой причуде принц-президента судачили в газетах, Наполеон произвел рокировку послгов в Константинополе. Вместо умного, но прямодушного генерала Опики был назначен пройдоха и интриган маркиз Лавалетт. Отправляя нового посла в турецкие пределы, Наполеон сказал ему прямо:

– Ваша главная задача – спровоцировать конфликт русских с турками. Отныне вы мой личный агент-provokator!

– Почту за честь! – раскланялся благородный маркиз.

Что ж порой и откровенные provokatory считают себя людьми чести!

Прибыв на берега Сладких Вод, маркиз Лавалетт вручил свою верительную грамоту великому визирю Мехмет-Али-паше.

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) въезжает в Париж

Спросив о самочувствии султана и ответив на вопрос о здоровье президента, Лавалетт сразу перешел к делу

– Вы обязаны гарантировать мне первенствующие права католиков на храмы в Иерусалиме и Вифлееме! – огорошил он Али-пашу.

– На чем же основаны ваши претензии? – рассеяно спросил визирь, совершенно не понимая, о чем идет речь.

– На том, что крестоносцы еще в одиннадцатом веке завоевали Иерусалим!

– Мы со всем вниманием рассмотрим ваше предложение! – вздохнул Мехмет-Али-паша, никакого представления о крестоносцах не имевший.

– Не знаю, что там франки вычитали в своих книгах, но отдуваться за эту ученость придется нам! – проводив маркиза, высказался он в сердцах министру иностранных дел Фуад-эфенди.

В тот же день российскому послу Титову стало во всех деталях известно о встрече французского посла с султаном. Осведомители у него в диване имелись в достатке.

– Если Париж будет покровителем католиков и через них влиять на внутритурецкие дела, то кому, как не нам покровительствовать православным единоверцам! – здраво рассудил посол. – Наши попы ничуть римских не хуже! Тогда же Титов составил меморандум, в котором как дважды два доказал, что еще задолго до крестовых походов Иерусалимом владела греческая православная церковь. А в конце приписал, что сгоревшая сорок лет назад церковь гроба Господня, кстати, была отстроена на деньги православного, а не католического люда. Перечитав свое сочинение Титов остался доволен. Пришлепнул бумагу посольской печатью:

– А ну-ка попробуй теперь нас за рупь с полтиной!

Но и маркиз был не прост. Чтобы отбить наскоки Титова, Лавалетт незамедлительно вытащил на свет замшелый трактат 1740 года, в коем тогдашний султан обещал франкам свою помощь в защите католиков.

– Подумаешь, удивил! – посмеялся Титов и припечатал сверху французский трактат толстенным Кучук-Кайнарджийским мирным договором 1774 года, в котором уже другой султан черным по белому клялся России дать привилегии православным во всех святых местах Высокой Порты.

Так начался совершенно надуманный и никчемный спор о церкви, приведший, в конце концов, к весьма нешуточным последствиям. Пока же и Лавалетту, и Титову было совершенно ясно, что дело вовсе не в вопросах веры, а в борьбе за влияние на Турцию, но оба играли по указанным им правилам.

Тем временем, турецкие законники стряхнули с бумаг раскroшившийся сургуч и, почесав затылки, признали первенство российских бумаг над бумагами французскими.

Француз был посрамлен, и в какой-то момент казалось, что все еще можно решить полюбовно. Но тут внезапно для всех вмешался император Николай, прислав в Константинополь с собственноручным посланием князя Гагарина. Князь потребовал от султана незамедлительно принять его сторону.

– Зачем будоражить болото, которое едва успокоилось! – в сердцах доказывал Гагарину расстроенный Титов.

– А что я могу! – разводил руками Гагарин. – Я всего лишь фельдъегерь его величества и от меня ничего не зависит!

Требования Николая Первого выглядели как самое настоящее политическое давление.

– Лавалетт радостно потирал руки:

– Теперь-то русским не отвертеться от скандала!

Ободренные французы теперь всю интриговали, англичане, по своему обычаю, выжидали чья возьмет, турки же пребывали в полнейшем смятении.

В те дни султан Абдул-Меджид жаловался своему великому визирю:

– Не понимаю, что надо от меня франкам и москвитам? Христиане молятся в своих храмах своему богу, что еще нужно?

– Мой падишах! – склонялся перед ним Мехмет-Али-паша. – Всем им нужны не храмы, а власть над Порогом Счастья!

– Что же нам делать? – нахмурился султан.

– Самое лучшее было бы столкнуть обоих лбами! Если франки начнут драку с москвитами, обоим будет не до нас!

– Положимся во всем на волю Аллаха! – закончил разговор властитель Высокой Порты.

О чем же спорили в Константинополе послы великих держав? Дело в том, что раздоры между православными и католическими монахами в Иерусалиме действительно существовали с незапамятных времен. Касались эти распри дел концессионных и чисто обрядных, а потому посторонним были не слишком понятны. Из века в век ругались римские и московские монахи,

кому из них принадлежит право чинить провалившийся купол в Иерусалимском храме, кому владеть ключами от Вифлеемского храма и кому, наконец, водворить свою звезду в Вифлеемской пещере. Все это было настолько старо и неинтересно, что даже сами монахи, если и переругивались между собой, то уже скорее в силу привычки.

Надо ли удивляться, что для римского папы Пия IX внезапная пылкость французского принца-регента стала полной неожиданностью.

– Зачем раздувать тлеющие искры в большой пожар! Или нет во Франции иных более важных дел? – качал головой седой понтифик.

Не менее был удивлен ретивостью в вопросах веры и главный церковный иерарх Руси митрополит Московский и Коломенский Филарет, узнав, что главным ратоборцем за права русского православия стал лютеранин Карл Нессельроде.

– Коль политики занялись делами Божьими, добра не будет никому! – сказал митрополит многоумно и трижды перекрестился.

Наверное, более иных был озабочен ситуацией Вселенский греческий патриарх в Константинополе. Седой старец, прибыв к послу Титову, со слезами умолял его не вмешиваться в церковные дела.

– Мы сами решим все свои споры. Не надо будоражить турок, иначе дело может закончиться страшной резней, как уже не раз бывало!

Что касается британского посла в Константинополе полковника Роза, то он просто расхохотался над выкрутасами своего французского коллеги:

– К чему, милый Анри, вам вытаскивать на свет всю эту археологическую дребедень? И вы, и я желаем столкнуть лбами турок с русскими, однако это никак не значит, что мы должны для этого лезть в библейские дебри!

– Вы циник, Джордж! – делано насупил бровь Лавалетт.

– Возможно, что это так, однако я, прежде всего, реалист!

Однако Лавалетт тоже был реалистом. Уже через несколько дней с его помощью французская казна обеднела на несколько тысяч франков, которые благополучно перекочевали в карманы советника султана по духовным делам Аффиф-бея. Игра стоила свеч. Приезд князя Гагарина и письмо Николая были поданы Лавалеттом, как оскорбление Высокой Порты.

– Если вы не покажите сейчас свою волю, авторитет султана совершенно падет в глазах всей Европы. С вами отныне никто не будет считаться! – нашептывал Мехмету-Али-паше прырливый француз.

Интрига свое действие возымела и, спустя несколько дней, султан отправил в Иерусалим Аффиф-бея, который сообщил тамошним монахам волю падишаха Вселенной. Отныне в Вифлеемской пещере, в нишу, где по легендам стояли ясли с новорожденным Христом, водрузили католическую серебряную звезду. Одновременно ключи от ворот церкви Святого Гроба были торжественно переданы католическому епископу. Оба действия были проведены нарочито шумно и торжественно.

Возмущение местного православного духовенства и многочисленных паломников не знало предела. В ответ на это маркиз Лавалетт публично заявил:

– В ознаменование нашего торжества над Россией я устраиваю праздничный прием в посольстве!

Получив приглашение на прием, Титов порвал его в сердцах:

– Мы проиграли сражение, но шанс выиграть кампанию у нас еще есть. Главное, чтобы не слали больше бочек дегтя из Петербурга!

Основания для таких слов у посла были. Турки не слишком доверяли своим новым союзникам.

– Сколько раз отверженные Аллахом урусы сговаривались за нашей спиной с неверными франками и англами! Кто поручится, что, ввергнув нас в новую войну с московитами, они не сговорятся снова! – говорил на заседании дивана великий визирь Мехмет-Али.

Визиря всецело поддерживал влиятельный Решид-паша:

– Нам нельзя ругаться с Русью. Лучше уступит в малом, чем потерять большое! Партии мира возражали приверженцы партии войны. Во главе с министром иностранных дел Фуад-эфенди и воинственным Омер-пашой.

– Мы не можем упустить дарованный небом шанс! – говорил Фуад-эфенди. – Франки и англы всецело за нас и клянутся не оставить нас один на один с московитами! Мы должны воспользоваться случаем и взять реванш за позор Адрианопольского мира! Настала пора вернуть пределы Блистательной Порты в пределы, завоеванные Сулейманом Великолепным!

Однако приверженцев войны пока было гораздо меньше, чем сторонников мира. Но это пока, а что будет дальше!

Абдул-Меджид, как это было принято у султанов, подслушивал разговоры своих министров в зале заседаний Диван-и-Хумайук через специально потайное окошечко (султанам не полагалось бывать на заседаниях дивана). Вот и сейчас, наслушавшись речей и перебирая четки, султан устало качал головой:

– На все воля Аллаха! Пусть Провидение предопределит нашу судьбу!

Сейчас Абдул-Меджид был более всего озадачен достройкой своего нового дворца Долмабахче в стиле борокко, который должен был затмить все резиденции европейских монархов. На отделку дворца у султана уже ушло 14 тонн золота, и государственная казна была пуста. На самом деле, зачем вся бессмысленная суэта, когда все предопределено свыше! Абдул-Меджид закрыл слуховое окошечко. Пусть министры еще поспорят, а у него сегодня есть дело и поважнее!

Дело в том, что королева Виктория прислала ему для нового дворца поистине сказочный подарок – огромную в пять тонн весом люстру богемского стекла неопишущей красоты. Только сегодня английские мастера закончили ее сборку, и султану не терпелось самому увидеть это великолепиие.

Вторая глава Флагманы

В весенние дни 1851 года в далекой Вене умирал от рака знаменитый российский кругосветчик, открыватель Антарктиды и герой Наварина главный командир Черноморского флота адмирал Лазарев. Он умирал в полном сознании и понимании всего с ним происходящего. Как истинно православный человек адмирал к смерти приготовился заранее. Императору Николаю, который, желая приободрить смертельно больного флотоводца, назначил ему для лечения пенсию на год вперед, Лазарев брать ее наотрез отказался:

– Отсчитайте на несколько месяцев, более мне уже не понадобится, так зачем же разорять Отечество!

Михаил Петрович Лазарев

Уезжая на лечение, которое Лазарев считал бессмысленным, но согласился, единственно уступив настояниям жены, он завершил все свои казенные дела, а флот Черноморский оставил на своих учеников Корнилова и Нахимова. Сопровождали адмирала в Австрию жена с дочерью, да любимый воспитанник – капитан 2 ранга Истомин. В Вену Лазарева привезли уже сильно ослабевшим. Консилиум немецких профессоров был жесток:

- Рак желудка в последней стадии!
- Есть ли какое-нибудь лекарство? – спрашивал с надеждой Истомин.
- Увы, только морфий! – ответили взгляд профессора.

Уже больше месяца адмирал ничего не брал в рот. Узнать теперь в изможденном, съедаемом заживо страшной болезнью человеке еще недавно энергичного и крепкого адмирала было непросто. Неизменными остались лишь глаза: умные и пронзительные. Верный Истомин читал Лазареву последние европейские газеты:

– Эх, не во время меня скрутило! Не вовремя! – морщился от боли адмирал. – Чувствую, что назревают события, в которых Черноморскому флоту предстоит на деле доказать свою преданность Отечеству! Как горько уходить в преддверии столь грозных событий!

Через две недели 11 апреля 1851 года адмирала Лазарева не стало. Перед смертью он попросил открыть окно. С жадностью в последний раз вдохнул свежий воздух. Закрыв глаза. На мгновение показалось, что он снова на палубе летящего по волнам корабля. Привычно свистит в парусах ветер, а в кормовой подзор бьет штормовая волна...

Отпевали Лазарева в посольской церкви. По старому обычаю за гробом шел рыцарь в черных латах, ведя на поводу траурную лошадь.

Екатерина Тимофеевна Лазарева

Посол барон Мейендорф заявил Истомину, что не может отправить гроб с телом покойного в Россию без высочайшего на то разрешения.

– Михаил Петрович столько сделал для России, что этим вполне заслужил право лежать в ее земле! – зло ответил Истомин. – Пишите, что хотите, но мы завтра же выезжаем в дунайский Галац!

Гроб с телом Лазарева был доставлен в Одессу, а уже оттуда перевезен пакетботом «Петр Великий» в Севастополь. Там Лазарева под прощальный салют корабельных пушек похоронили в фундаменте, им же заложенного Владимирского собора. «Громко рыдая, Черноморцы опустили в могилу прах незабвенного адмирала» – писал очевидец этого печального события.

Как здесь не вспомнить проникновенные строки Тютчева:

И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца.
И вновь вздохнули в горестной утрате
Все честные, все русские сердца...

Смерть знаменитого адмирала была воспринята в России с большой печалью. Со смертью Лазарева уходила целая эпоха флота.

Что касается Николая Первого, то он переживал смерть своего лучшего флотоводца очень тяжело.

– Лазареву у меня замены нет! – говорил он не раз в узком кругу.

Вскоре после смерти адмирала Лазарева, придворные дамы, пытаясь отвлечь императора от мрачных дум, рассказали ему, что ночью они «спиритировали» и вызывали дух Лазарева, с которым затем, якобы, долго беседовали. Николай Первый был этим крайне удивлен:

– Я могу поверить, что вы вызывали дух Лазарева. Я могу поверить, что он к вам явился. Но во что поверить не могу, так это в то, что он с вами, дурами, согласился беседовать!

В Европе, наоборот, известие о смерти флотоводца было воспринято с нескрываемым восторгом. Из воспоминаний современника: «В тот день, когда было получено в Лондоне известие из Вены о кончине Лазарева, мне случилось быть в большом английском обществе. Вдруг я заметил необыкновенное оживление, как будто радость, пили за здоровье друг друга и поздравляли с чем-то. Я хотел знать о причине этого движения; мне объявили о смерти русского адмирала Лазарева».

Ну что ж, порой признание заслуг перед своим Отечеством бывает и таким... Скоропостижная смерть знаменитого адмирала создало серьезную проблему для Николая Первого. Надо было срочно искать замену Лазареву, но разве можно было найти ему полноценную замену?

* * *

Обезглавленный Черноморский флот срочно нуждался в новом командующем. По всему командовать им выходило контр-адмиралу Корнилову, начальнику штаба покойного Лазарева, его ученику и единомышленнику. Но встал на дыбы столичный адмиралитет:

– В главные командиры надо маститого садить, чтобы по старшинству был первейшим. А этот Корнилов уж молод больно, а, ишь, куда взлететь захотел! Сверстники его еще в капитанах 1 ранга обретаются, а этот уже в полные адмиралы метит!

Владимир Алексеевич Корнилов в 1852 году.

– Сколько ж лет этому выскочке? – вопрошали посторонние.

– Сорок пять, еще мальчишка!

Не желая скандала, Николай Первый уступил горлопанам. Главным командиром Черноморского флота был назначен уже не мальчик, а семидесятилетний генерал-лейтенант Берх.

– Этот паровоза не изобретет, но зато, надеюсь, и ничего из сделанного Лазаревым не испортит! – заявил император, подписав указ о назначении. – Ни сил, ни ума не хватит!

Начальнику Главного Морского штаба князю Меншикову Николай Первый сказал об этом так:

– Передайте Корнилову, что Берх – фигура временная. Пусть не переживает. Через года два-три я поставлю его во главе флота!

Если бы только знал бы император Николай, что будет через эти два – три года с Корниловым, с ним самим, да и со всей Россией.

Для придания веса Корнилову, Николай причислил Корнилова к своей свите, что помимо всего прочего, давало ему право обращаться непосредственно к императору, минуя не только командующего, но и морского министра.

Морис Борисович Берх был человек степенный, вежливый и покладистый. Недостаток его состоял в одном – новый командующий никогда ничем в своей жизни не командовал, а корабли видел только с берега, ибо всю свою долгую жизнь строил маяки и преподавал науки в штурманском корпусе. Выбор его на столь важный пост был, прямо скажем, весьма странным, но таковым было решение монарха, тем более, что со старшинством в чине у Берха было все в полном порядке.

Мориц (Маврикий) Борисович Берх

Для придания веса, нового командующего срочно произвели из генерал-лейтенантов в вице-адмиралы, что вызвало законные усмешки. Кораблей Мориц Борисович откровенно боялся, а потому сидел в Николаеве безвылазно, руководя флотом через курьеров, предпочитая в основном, как и прежде, заниматься своей любимой гидрографией.

«...Оставление Берха во главе флота возлагало на Корнилова всю нравственную тяжесть ответственности за боевую готовность флота, не давая никаких прав, так как он мог распоряжаться лишь именем адмирала Берха», – писал один из современников.

Чтобы немного подсластить пилюлю черноморцам, Николай все же разрешил заменить, еще более старого и дряхлого, чем Берх, интенданта Черноморского флота вице-адмирала Дмитриева молодым и деятельным контр-адмиралом Метлиным.

Своему ближайшему другу и соратнику контр-адмиралу Павлу Нахимову начальник штаба флота Корнилов в те дни в сердцах жаловался:

– Мое положение насквозь фальшиво. При всей внешней значимости моего положения, на самом деле на реальное управление флотом я имею лишь случайное и косвенное влияние! А от этого страдает дело!

Добрейший Нахимов качал головой с пониманием:

– Михаилом Петровичем нам завещан Черноморский флот, а потому будем-с его лелеять, как наш покойный учитель, а там, что Бог даст!

Черноморский флот времен Лазарева был, по существу, единственным «островом свободы» в николаевской России. Там, напроць, отсутствовала муштра, парадность и шагистика. Черноморские офицеры, вопреки всем существовавшим уставам, демонстративно расстегивали воротники душных мундиров (что было тогда просто немыслимо!), выпуская поверх их белоснежные воротники рубах, прозванных ласково «лиселями». Именно так любил ходить их кумир Лазарев. Так, вопреки всем порядкам, ходили и они. По примеру Лазарева и Нахимова, офицеры поголовно демонстративно носили повседневные фуражки с особым укороченным «нахимовским» козырьком. Балтийцы, которым случалось оказаться в Севастополе, глядя на такие своеволия, приходили в ужас:

– У нас за этикие вольнодумства сразу бы пинком под зад в деревню с флота! Вот погодите, император к вам нагрянет, мало не покажется!

И что же Николай – ярый поборник муштры и порядка? Да за одни «лиселя» он, не задумываясь в каком-нибудь пехотном корпусе, снял бы десяток генералов! Но, приезжая на Черноморский флот и видя все там происходящее, он молчал. Когда же императора уж слишком донимали доносители, он просто отмахивался от них:

– Оставьте Лазарева в покое! Он знает, что делает! Черноморский флот сегодня – гордость России, а это главное!

Теперь, когда адмирала не стало, никто не знал, как сложатся дела на Черноморском флоте без Лазарева. Вся надежда была лишь на его учеников – контр-адмиралов Корнилова и Нахимова. Именно им надлежало сохранить лазаревские традиции и лазаревский дух. Справятся ли они с этой непростой задачей?

Кем же были ученики Лазарева, те, которым волею судеб пришлось возглавить Черноморский флот после его ухода?

Павел Нахимов родился под Вязьмой в далеком 1802 году в семье отставного екатерининского секунд-майора. Жили скудно, а потому вскоре Павел был определен в Морской корпус на «казенный кошт». В пятнадцать лет Нахимов уже мичман. Бриг «Феникс» – его первое судно, а первым плаванием стало крейсерство по Балтике. Наверное, уже в это время начала проявляться и главная отличительная черта Нахимова. Морская служба сделалась для него не просто любимым делом, как для подавляющего большинства других флотских офицеров, она стала для него делом ЕДИНСТВЕННЫМ. Делом, которому он посвятил всю свою жизнь без остатка, отказавшись во имя этого от всех мирских забот и даже личной жизни.

Вскоре на Нахимова обращает внимание Михаил Петрович Лазарев. В то время мичман Нахимов совершил поступок, по мнению многих, совершенно глупый и безрассудный. Он отказался от перевода в престижный гвардейский экипаж, а попросился служить на новостроющийся корабль в неблизкий Архангельск.

Павел Степанович Нахимов

Там Нахимов познакомился с человеком, преклонение перед которым он пронесет через всю свою жизнь. Вскоре на фрегате «Крейсер» под командой Лазарева он уходит в трехлетнее кругосветное плавание, ставшее прекрасной практической школой для молодого моряка. Канарские острова – Рио-де-Жанейро – Тасмания – Аляска – Сан-Франциско – Таити – Портсмут – вот основные этапы этого беспрецедентного похода. И на «Крейсере» Нахимов поражает своих сотоварищей совершенно истовым отношением к делу. Из воспоминаний сослуживца: «В глазах наших... он был труженик неутомимый. Я твердо помню общий тогда голос, что Павел Степанович служит 24 часа в сутки. Нигде товарищи не упрекали его в желании выслужиться, а веровали в его призвание и преданность самому делу. Подчиненные его всегда видели, что он работает более их, а потому исполняли тяжелую службу без ропота и с уверенностью, что все, что следует им, или в чем можно сделать облегчение, командиром не будет забыто».

Во время плавания на «Крейсере» произошел случай, который как нельзя лучше характеризует Нахимова. В ненастную погоду упал за борт матрос. Быстро спустили шлюпку. Старшим в нее спрыгнул, конечно же, Нахимов. Спасти матроса, к сожалению, не успели. Но на этом беды не кончились. Внезапно налетевшим шквалом шлюпку отнесло так далеко от фрегата, что ее потеряли из вида. Только после четырехчасового поиска в океане шлюпка воз-

вратилась к фрегату. За свой самоотверженный поступок Лазарев представил Нахимова к награде. В докладной бумаге он написал: «Сию готовность Нахимова при спасении жертвовать собой я долгом почел представить на благоусмотрение господ членов государственной адмиралтейств-коллегии и льщу себя надеждой, что подвиг не найдется недостойным внимания...» Увы, в поощрении Нахимову Петербург отказал.

Из общего контекста блестящих характеристик Нахимова в этот период выпадает отзыв его соплавателя по «Крейсеру» будущего декабриста Дмитрия Завалишина. Завалишин упрекает Нахимова в чересчур подобострастном отношении к командиру. Что ж, Нахимов никогда не делал секрета из того, что искренне обожал Лазарева, считая его своим главным учителем. Впрочем, историкам хорошо известна и злая язвительность Завалишина, который в своих воспоминаниях не щадил никого.

В кругосветные плавания (или как в то время говорили кругосветный вояж) Нахимов ушел еще совсем юным моряком, вернулся же возмужавшим морским волком, прошедшим три океана. Отныне и навсегда судьба Нахимова переплелась с судьбой Лазарева. В служебной характеристике командир фрегата «Крейсер» написал о Нахимове: «... Душою чист, и любит море». Умри, лучше не скажешь! Эти слова могли бы, наверное, стать девизом всей жизни Нахимова. Наконец, «Крейсер» вернулся в Кронштадт. Но задерживаться на берегу долго Нахимов уже не мог. Море снова звало его к себе. Вскоре вместе с Лазаревым он убывает в Архангельск принимать новостроенный 74-пушечный линейный корабль «Азов». Затем был трудный переход штормовыми морями в Кронштадт. На «Азов» Лазарев подбирал офицеров самолично. Среди них были мичман Корнилов и гардемарин Истомин.

В это время резко осложнилась политическая ситуация в Средиземноморье. Турция утопила в крови восставшую против порабощения Греции, и император Николай решает послать к греческим берегам эскадру, чтобы демонстрацией силы прекратить избиение единоверцев и поддержать повстанцев. В состав эскадры был включен и «Азов». А перед самым выходом в море, на «Азов» прибыл прославленный флотоводец, герой Афонского и Дарданельского сражений адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. Когда-то Сенявин сам начинал свой ратный путь под флагом великого Ушакова. Теперь же от него эстафету служения Родине принимало новое поколение: Лазарев и Нахимов, Корнилов и Истомин. Преемственность поколений, имен, подвигов... От Петра Великого к Спиридову, от Спиридова к Ушакову, от Ушакова к Сенявину, от Сенявина дальше, дальше и дальше... Непрерывающаяся связь времен и традиций...

Впрочем, во время плавания на «Азове» произошел и неприятный случай с Нахимовым. За жестокое обращение с матросами он был наказан в Приказе самого Сенявина. Так в деле Нахимова столкнулись две морские школы: английская с ее равнодушным отношением к нижним чинам и старороссийская, пусть тоже барская, но видевшая в матросе не вербованного наемника, а соотечественника, служившего не за призовые деньги, а за живот. Отметим, что отеческое Сенявинское «внушение» сыграло свою роль – отныне Нахимов навсегда не только поймет, что матрос тоже человек, но и постепенно настолько сроднится с ним, что впоследствии заслужит даже прозвище «матросского адмирала».

В Портсмуте эскадра простилась с Сенявиным. Прославленного адмирала отзывали в Петербург. Далее эскадру повел уже контр-адмирал Логин Гейден. Свой флаг он так же поднял на «Азове». Соединившись с британской и французской эскадрами, наши корабли подошли к Наварину, где укрылся турецкий флот. Союзники не желали кровопролития. Командующий турецким флотом был предупрежден о немедленном прекращении карательных экспедиций в Греции. Турки не ответили, и тогда в Наваринскую бухту вошли союзные корабли. Пятьдесят семь лет назад здесь уже грохотали пушки русских кораблей эскадры адмирала Спиридова, принесшие славу русскому оружию. Теперь сюда пришли сыновья героев тех лет, чтобы вновь сразиться за свободу братского народа. История подвига повторилась, сделав еще один виток...

Логин Петрович Гейден

Первыми ударили турецкие пушки, им незамедлительно ответствовали орудия с русских, английских и французских кораблей. Так началась знаменитая Наваринская битва. «Азов» сражался в самом пекле против пяти, а то и против шести противников сразу. От частых разрывов вода в бухте буквально кипела, в воздухе висел тяжелый пороховой дым. В один из моментов боя Лазарев увидел, что турки буквально расстреливают английский флагман «Азия». Не раздумывая долго, Лазарев тут же прикрывает своим бортом союзника, невзирая на большие повреждения от огня. Весь бой Нахимов сражается на баке. Там он командует артиллерийской батареей. Ведя непрерывный огонь по неприятелю, лейтенант умудряется одновременно руководить и тушением нескольких пожаров. Рядом с Нахимовым отважно сражается мичман Владимир Корнилов и юный гардемарин Истомин. К концу сражения на боевом счету «Азова» четыре уничтоженных неприятельских судна.

В своем письме другу юности Михаилу Рейнеке Нахимов писал: «О, любезный друг! Кровавопролитнее и губительнее этого сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признаются, что ни при Абукире, ни при Трафальгаре ничего подобного не видели».

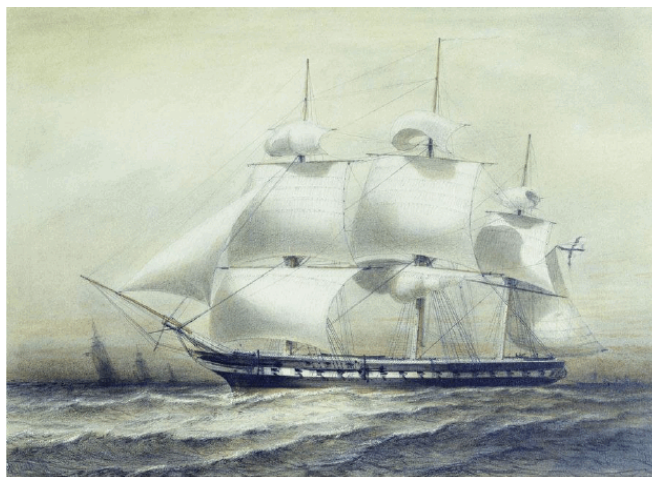
«Сражение при Наварине» Художник И.К. Айвазовский

Наградой за мужество в Наваринском сражении стал для Нахимова внеочередной капитан-лейтенантский чин и Георгиевский крест. В наградном листе против фамилии Нахимова имеется приписка: «действовал с отличной храбростью». Вместе с ним получили свои первые боевые награды и Корнилов с Истоминим.

Вскоре после сражения Нахимов получает и новое назначение. Теперь он командир захваченного у турок корвета, названного в честь одержанной победы «Наварин». Можно

только представить себе, как счастлив был он, получив под свое начало боевое судно. В кратчайшие сроки Нахимов приводит еще недавно запущенный и грязный корвет в образцовое состояние. Затем долгие месяцы крейсерских операций в Средиземном море и блокада Дарданелл. И снова Балтика. Боевые отличия не остались без внимания начальства, и Нахимов ждет новое назначение, на этот раз командиром строящегося фрегата «Паллада».

Наверное, ни один из судов парусного флота не получил такой известности, как «Паллада». Ее воспел в одноименном романе Иван Гончаров, а подвиги экипажа фрегата во время обороны Петропавловска-на-Камчатке давно стали легендой. Но первым командиром, вдохнувшим жизнь в это знаменитое судно, был именно Нахимов.

Фрегат "Паллада"

Командуя «Палладой», Нахимов еще раз находит возможность показать свои блестящие морские навыки. В ненастную погоду, идя в голове эскадры, он обнаруживает, что заданный курс ведет прямо на камни. Немедленно оповестив следом идущие корабли сигналом: «Курс ведет к опасности», Нахимов отворачивает в сторону. Надо ли говорить, какую ответственность взял на себя молодой капитан, когда выявил ошибку такого знаменитого и сурового флотоводца, как адмирал Фаддей Беллинсгаузен, опытного моряка и первооткрывателя Антарктиды.

А затем новый поворот судьбы! И капитан 2 ранга Нахимов навсегда расстается с Балтикой. Отныне теперь его жизнь, смерть и бессмертие будут связаны с флотом Черноморским. Пока Нахимов пересекает на почтовых империю с севера на юг, приглядимся к нему внимательней. Внешне он ничем не примечателен: высок, сутул, худощав и рыжеволос. В поведении и привычках весьма скромнен. Общеизвестно, что он никогда не разрешал писать с себя портретов. Единственная карандашная зарисовка Нахимова была сделана в профиль, со стороны и наспех. Таким его образ и остался для потомков. Всю жизнь Нахимов бережно хранит память о своем старшем товарище Николае Бестужеве, сгинувшем после восстания декабристов в сибирских рудниках. Он никогда не забывает своих друзей-однокашников Михаила Рейнеке и Владимира Даля. Он постоянен в своих привязанностях, не искушен в интригах, но в делах службы до педантизма требователен к себе и другим.

Назначению на Черное море Нахимов всецело был обязан своему учителю и наставнику Лазареву. Лазарев к этому времени уже полный адмирал и только что назначен командовать Черноморским флотом. Лазарев собирает к себе своих единомышленников, таких как контр-адмирал Авинов (женатый на сестре жены Лазарева), друг юности контр-адмирал Бутаков, всех своих воспитанников, тех в кого верит, тех, на кого он может положиться в любом деле: Корнилова, Истомина и, конечно же, Нахимова.

Владимир Алексеевич Корнилов так же переведенный на Черноморский флот, имел к тому времени чин лейтенанта, два ордена, репутацию блестящего боевого офицера и эрудита. Лейтенант Владимир Иванович Истомина, приобретя к этому времени опыт крейсерских операций, также имел самые лестные отзывы. Так в 1834 году на Черном море собрались воедино все те, кому двадцать лет спустя, придется обессмертить здесь свои имена, пасть, но не отступить перед врагом.

Прибыв в Николаев, Нахимов получает многообещающее назначение командиром на строящийся линейный корабль «Силистрия». И сразу же, как всегда, энергично принимается за работу. Одному из своих друзей он пишет в это время: «В Кронштадте я плакал от безделья, боюсь, чтоб не заплакать здесь от дела». Тогда же за отличие в службе получает он и свой следующий чин капитана 2 ранга.

Естественно, что предводимая рукой столь ревностного командира «Силистрия» вскоре по праву становится лучшим кораблем Черноморского флота. Поразительно, но Нахимов относился к своему кораблю, как к существу одушевленному, именуя его не иначе как «юношей». Когда же он по болезни вынужден на некоторое время отсутствовать, то в письмах очень переживает за то, в какие руки попадет его «юноша» и как пойдет его «воспитание» дальше.

Командуя «Силистрией», Нахимов участвует в высадках десанта против кавказских горцев при Туапсе и Псезуапе. В ходе этих операций на «Силистрии» неизменно держал свой флаг адмирал Лазарев. Там же был и начальник штаба эскадры только что произведенный в капитаны 2 ранга Корнилов. Рядом с флагманским кораблем неотлучно следовала посыльная шхуна «Ласточка» под началом капитан-лейтенанта Истомина... Снова учитель настойчиво передавал знания и опыт своим ученикам, словно предчувствуя, какие страшные испытания выпадут на их долю...

О человеческих качествах Нахимова впоследствии вспоминал его сослуживец, капитан-лейтенант Д. Афанасьев: «...Нахимов был большого роста, несколько сутуловатый и не тучный; всегда опрятный, он отличался свежестью своих воротничков, называвшихся у черноморцев «лисеями». Наружная чистота, любимая им во всем, соответствовала его высоким нравственным качествам; скуластое, живое лицо выражало всегда состояние его духа, а мягкие голубые глаза светились добром и смыслом; характер энергический и вполне понятный морякам; человек высоких талантов и притом хорошо образованный и много читавший».

«Десант Н. Н. Раевского в Субаши», 1839 год. Художник И. К. Айвазовского

И опять, как несколько лет назад на Балтике, поведение Нахимова рождает целые легенды. Во время одного из выходов в море на «Силистрию» наваливается неудачно сманеврировавший корабль «Адрианополь». Тут же командир «Силистрии» бросается в самое опасное место, туда, где разлетается в щепу борт, и рвутся снасти. Когда же недоумевающие офи-

церы корабля спрашивают своего командира, зачем он подвергал свою жизнь опасности, то Нахимов невозмутимо отвечает:

– В мирное время такие случаи редки и командир должен ими пользоваться. Команда должна видеть присутствие духа в своем командире, ведь, может быть, мне придется идти с ней в сражение!

И здесь Нахимов идет своим, только ему присущим путем, и здесь он живет одним – подготовкой к возможной войне!

Впрочем, Михаил Петрович Лазарев своему ученику доверяет безгранично, по праву считая его лучшим из лучших. В 1845 году Нахимов получает контрадмиральские эполеты. Однако в жизни его ничего не меняется, все отдается только службе. Даже в редкие минуты отдыха он занят флотскими делами. Именно Нахимова избирают севастопольские офицеры общественным директором Морской библиотеки. Говорят, что любил он иногда выходить на Графскую пристань и в подзорную трубу подолгу рассматривать входящие и выходящие из бухты суда. От придирчивого взгляда адмирала нельзя было скрыть ни малейшую погрешность в такелаже.

Никогда не имя своей семьи, Нахимов считал своей семьей матросов. А потому, зачастую все свои деньги отдавал им, их женам и детям. Зная доброту и отзывчивость адмирала, к нему шли все от молодых офицеров до старух вдов, и Нахимов старался помочь каждому. Вспомним, что тогда еще властвовало недоброй памяти крепостное право, и россияне делились на бар и мужиков. Отношения между ними были соответствующие. Тем зримее для нас видна большая и добросердечная нахимовская душа, которая никогда не могла остаться равнодушной к чужому горю...

В 40-е годы Нахимов очень сближается с Корниловым. Одно время они даже соперниками. Нахимов командует «Силистрией», Корнилов «Двенадцатью Апостолами». Между капитанами и кораблями идет нескончаемое соревнование. Кто быстрее поставит паруса, кто быстрее поймает ветер. У каждого из адмиралов было немало подражателей. Между последними кипели нескончаемые споры, чья система лучше. Больше всего спорили, как лучше поворачивать через фордевинд. Нахимов в этом случае ставил задние реи поперек, а Корнилов, по средиземноморской традиции, держал их в положении «левентин», продолжая непрерывно бра-сопить их до галса.

Всякий раз, бывая в Николаеве, Нахимов неизменно останавливается в семье Корнилова, занимаясь и играя с его детьми. Корнилов же, будучи в Севастополе, всегдашний гость Нахимова. Соратники по наваринской эпопее, они постепенно становятся не только друзьями, но и единомышленниками в деле развития Черноморского флота.

Из воспоминаний современников о Нахимове: «...Доброе, пылкое сердце, светлый пылкий ум; необыкновенная скромность в заявлении своих заслуг. Он умел говорить с матросами по душе, называя каждого из них, при объяснении, друг, и был действительно для них другом. Преданность и любовь к нему матросов не знали границ».

Из рассказов князя Путятина: «По утрам, раз в месяц Нахимов приходит на пристань. Там его уже ожидают все обитатели Южной бухты из матросской слободки и безбоязненно, но почтительно окружают его. Старый матрос на деревянной ноге подходит к нему: «Хата продырявилась, починить некому». Нахимов обращается к адъютанту: «Прислать к Позднякову двух плотников». «А тебе что надо?» – обращается Нахимов к какой-то старухе. Она вдова мастера из рабочего экипажа, голодает. «Дать ей пять рублей». «Денег нет, Павел Степанович» – отвечает адъютант. «Как денег нет? Отчего нет?». «Да все уже розданы». «Ну, дайте пока из своих». Но и у адъютанта нет денег.

Тогда Нахимов обращается к другим офицерам: «Господа, дайте мне кто-нибудь взаймы». И старуха получает просимую сумму».

Евфимий Васильевич Путятин

Может, именно за эту простоту и любовь к простым матросам его недолюбливало личное начальство, называя, порой за глаза то боцманским, а то и матросским адмиралом. Думается, Нахимов на это не обижался. Дел у командира корабельной бригады всегда было в досталь.

В аттестационном списке от февраля 1853 года начальник штаба Черноморского флота писал: «Вице-адмирал Нахимов. Отличный военноморской офицер и отлично знает детали отделки и снабжения судов; может командовать отдельную эскадру в военное время». Эту характеристику Нахимову довелось оправдать в том же году.

Ранний портрет Корнилова. Он капитан брига «Фемистокл». Элегантно расслабленная поза, «байроновский» платок, небрежно обвязанный вокруг шеи. Нахимова представить таким просто невозможно. Карьера Корнилова была столь стремительна, что он обошел многих, в том числе и старшего возрастом Нахимова.

После смерти Лазарева, Корнилов остается, как и прежде, номинальным начальником штаба Черноморского флота, но фактический его командующим. Знаменитая картина Айвазовского «Смотр Черноморского флота». Сколько в ней скрытого смысла! Вот император Николай Первый, облокотившись на фальшборт, восторженно взирает на безукоризненный строй парусных линейных кораблей. За его спиной тесной сплоченной кучкой стоят Лазарев, Корнилов и Нахимов. Белизна наполненных ветром парусов ласкает взор императора. Увы, мощь его могучего и эффектного флота призрачна. Англия и Франция уже спешно спускают на воду паровые суда. Россия отстанет всего лишь на несколько лет, но цена этого отставания будет кровавой...

В 1850 году в Новороссийской бухте встретились два черноморских фрегата – «Кулевчи» и «Кагул». На первом держал свой флаг Корнилов, на втором – Нахимов. Думаю, что настроение у обоих друзей-соперников в тот день было прекрасным, да и обстановка, видимо, позволяла расслабиться. Неизвестно, кто из них первым предложил устроить гонку, да важно ли это! Участники этой удивительной гонки спустя много времени вспоминали, что азарт у всех ее участников был небывалый.

В. А. Корнилов на борту брига «Фемистокл» (1835). Художник К. П. Брюллов.

В облаках белоснежных парусов фрегаты мчались в Севастополь. «Кулевчи» только чуть-чуть опередил «Кагул». Кто мог тогда знать, что впереди друзей – адмиралов будет ждать одна из тяжелейших войн в истории России. Никому не дано предугадать своей судьбы...

Весной 1851 года, имея флаг на линейном корабле «Ягудиил», Нахимов командовал отрядом из трех линкоров, перевозивших войска из Севастополя в Одессу, а затем младшим флагманом 1-й практической эскадры Черноморского флота.

Теперь именно они: Корнилов и Нахимов остались в ответе за Черноморский флот. Теперь именно по ним равняются все остальные. Теперь именно им предстоит продолжить эстафету черноморской доблести и славы.

По старшинству первое место полагалось Нахимову, но Корнилов уже занимал пост начальника штаба флота. Если бы два вице-адмирала были склонны к интригам, все бы это имело значение. Однако Нахимов не собирался претендовать на первое место.

Адъютант Корнилова Жандр, позднее писал: «...Служа вместе на корабле «Азов», под командою Михаила Петровича Лазарева, эти два человека сохранили приятельские отношения и в высших чинах. В Севастополе Корнилов всегда останавливался у Нахимова, который не раз говорил, что желал бы назначения Владимира Алексеевича главным командиром; бескорыстно преданный службе, Павел Степанович забывал свое старшинство и видел в этом назначении преуспеяние Черноморского флота; он знал, что его дело – водить флоты в море, и что ему не по силам административные и письменные занятия, неразлучные с званием главного командира. Высоко ценя дарования и деятельность Корнилова, Павел Степанович старался всеми силами содействовать ему в общем деле совершенствования Черноморского флота, и содействие такого отличного моряка, конечно, было полезно во многих технических вопросах...»

Современник начальника штаба Черноморского флота писал: «...Корнилов был не только уважаем своими подчиненными за свои глубокие познания по всем отраслям морского и военного дела и за редкую справедливость к оценке подчиненных ему людей, но мы утвердительно говорим, что он был искренне любим всеми теми, кто сам честно служил, а их был легион... Правда, не любили его (но все-таки уважали) все те весьма немногие, у которых было рыльце в пушку...»

Они были очень разными людьми Нахимов и Корнилов. Если первый был настоящим матросским любимцем, то второй отличался аристократизмом и романтичностью. Но общим было главное – любовь к родному флоту, к своему Отечеству и готовность подложить во имя этого свою жизнь.

* * *

Тем временем неудовлетворенный своим положением, Луи-Наполеон объявил себя новым французским императором Наполеоном III, а Францию, соответственно Третьей империей. После чего стал ждать реакции первых держав Европы.

Первой откликнулась Англия и сразу сделала весьма важный шаг навстречу новоявленному императору. Уже через несколько дней после провозглашения Третьей империи в Париж прибыл лондонский лорд-мэр в сопровождении лучших людей Сити. Лорд-мэр торжественно вручил в Тюильри Наполеону благодарственный адрес за восстановление порядка во Франции, подписанный четырьмя тысячами представителями ведущих банков, компаний Туманного Альбиона. Это была внушительная демонстрация британских буржуа в поддержку племянника своего самого заклятого врага. И хотя приезд лорда-мэра носил сугубо частный характер, все всем было предельно ясно.

Австрия отделалась нейтральными поздравлениями, выжидая, что будет дальше.

Совсем иначе прореагировал на неожиданное появление нового императора Николай Первый. В своем весьма прохладном письме правителю Франции он демонстративно назвал его «любезным другом», а не «братом», как было принято при личной переписке монархов. Это было почти открытое оскорбление, и Наполеон Третий не счел нужным даже скрывать своего гнева перед российским послом генералом Киселевым:

– Я недоволен отношением вашего царя к моей особе и не намерен прощать ему ни малейшего унижения!

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт)

Что мог ответить на такое заявление посол?

– Император Николай отныне мой личный враг, зато Англия, судя по последним событиям, отныне наш союзник и друг! – определил тогда же свои политические приоритеты новоиспеченный император.

Было совершенно очевидно, что в русско-французских делах началось серьезное обострение.

В начале 1853 года Наполеон Третий, помимо политики, был занят еще двумя весьма важными для него делами. Во-первых, как уважающий себя монарх, он перебрался из Тюильри в свою собственную новую резиденцию, которой стал, некогда принадлежавший маршалу Мюрату, Елисейский дворец. А затем женился на испанской красавице Евгении де Монтихо. 30 января 1853 года в соборе Парижской Богородицы прошло торжественное венчание. Вопреки ожиданиям Наполеона император Николай поздравлений новой супружеской паре так и не прислал...

* * *

В декабре 1951 года контр-адмирал Корнилов со своим адъютантом Жандром был вызван в Петербург. Император желал из первых уст услышать доклад о состоянии Черноморского флота.

Николай принял Корнилова в малом кабинете Зимнего дворца. Начальника штаба флота поразила спартанская обстановка: рабочий стол, солдатская кровать и небольшой диван с креслом. Контр-адмирала император встретил радушно. Пожав руку, усадил на диван, сам расположился напротив в кресле.

– Я желаю, чтобы управление Черноморским флотом продолжалось так же, как и при покойном Лазареве! Что касается назначения Берха, то потерпи год-два, зато потом поднимешь на грот-мачте полный адмиральский флаг. А пока не будем нарушать флотские традиции, тем более, что и покойный Михаил Петрович старику Берху всегда доверял. Скажи лучше, кто на сегодня из дивизионных командиров у вас лучший?

– Разумеется, Павел Степанович Нахимов! – не задумываясь, ответил Корнилов. – На своем месте и контр-адмирал Новосильский.

Посмотрев план Севастопольского адмиралтейства, император нашел его неудобным.

– Строения слишком близки друг к другу. А экипажеские магазины надо строить по примеру Кронштадта вдоль берега.

Утвердил предложение Корнилова перевести выслужившие свой срок линкоры «Силлистрию» и «Махмуда» в блокшивы.

– Я хочу, чтобы Черноморский флот состоял из 17 линейных кораблей, а старые фрегаты будем постепенно заменять винтовыми. Да и линейные корабли отныне будем строить только винтовые, а то отстанем от европейских флотов.

– Разрешите, ваше величество, вопрос! – спросил Корнилов в конце встречи.

– Спрашивай! – кивнул Николай.

– Насколько сложна сейчас наша политическая ситуация?

– Все очень непросто, мой дорогой Корнилов! – вздохнул император. – У нас сейчас два варианта: или война с турками против французов, или в союзе с Австрией против Турции!

– Какой же из двух вариантов предпочтительнее?

– Желателен, разумеется, первый!

– А как к этому отнесутся Пруссия с Англией? – спросил начальник штаба Черноморского флота.

– Относительно пруссаков я спокоен. А вот Англия – это наша главная боль! Однако будем надеяться на лучшее!

На прощанье Николай пожал вице-адмиралу руку. Уже выходя, Корнилов обернулся и увидел, что император опять склонился над какими-то бумагами. Больше они уже никогда не увидятся...

* * *

В марте 1852 года контр-адмирал Нахимов был назначен командующим 5-й флотской дивизией, а в конце апреля Корнилов определил его командовать 2й практической эскадрой. Младшим флагманом был назначен контр-адмирал Вульф.

4 июля 1852 года Нахимов вывел на Севастопольский рейд линкоры «Двенадцать Апостолов», «Ростислав», «Святослав», «Гавриил», «Три Иерарха» и бриг «Птоломей». Несколько позднее к эскадре присоединились фрегаты «Кулевчи», «Коварна», корветы «Пилад», «Калипсо» и бриг «Эней». Нахимов держал флаг на «Двенадцати Апостолах».

Линейный корабль Султан Махмуд. Литография Подустова с рисунка В. А. Прохорова.

В тот год морская кампания была на редкость напряженной и длилась до конца октября. За это время эскадра дважды ходила в Одессу, перевоза войска, затем занималась эволюциями в Черном море, после чего вновь ходила с войсками из Севастополя в Одессу.

Пока Нахимов штормовал в морях, Корнилов занимался административными и хозяйственными делами, которых на флоте хватало всегда. Особенно волновало начальника штаба состояние артиллерии. Проверив поступившие с заводов новые орудия, он с возмущением писал, что они хранятся на Ростовской пристани без платформ, забиты землей и ржавеют. В том же году он при осмотре кораблей 4-й флотской дивизии Новосильского он отметил неверность прицелов и частые осечки при выстрелах. Если учесть дополнительно, что в николаевское время большое внимание обращали на чистоту орудий и драили их до блеска, можно полагать, что разные зазоры между ядром и стволом также влияли на меткость стрельбы. Уже упомянутые сведения об учениях 1852 года подтверждают разброс в меткости стрельбы, очевидно связанный и с опытом канониров.

Апогеем же компании 1852 года стал высочайший смотр флота императором Николаем.

Осенью Николай Первый отправился на юг, чтобы лично проверить боеготовность армии и флота. Корнилов в это момент находился в командировке в Англии. Там начальник штаба Черноморского решал вопросы по постройке новых винтовых корветов «Воин» и «Витязь» на английских верфях. Увы, эти корабли так никогда не будут построены.

Из-за отъезда Корнилова за все пришлось отдуваться мало, что понимавшему в корабельных делах Берху. Понимая всю никчемность старого маячника, император определил ему в помощь своего любимца балтийского контр-адмирала Васильева, не без оснований носившего во флотских кругах прозвище «demihomme – demifoliete» (получеловек-полубезумец). Морском Васильев был посредственным, зато знал и любил шагистику и фрунтовую службу. К чер-

номорцам Васильев относился с известным презрением, как к никчемным провинциалам, а потому в успехе смотра чужого ему флота был не слишком заинтересован.

Смотр Черноморского флота осенью 1852 года оставил не много исторических свидетельств. Его заслонили, произошедшие вскоре, куда более важные события. Однако его итоги наложили свой определенный отпечаток на многое из того, что произошло на Черном море в следующем году.

Смотр Черноморского флота в 1849 году. И. К. Айвазовский, 1886 г.

Из воспоминаний черноморца А. Зайчковского: «В 1852 году императором Николаем был назначен очередной смотр Черноморскому флоту. Смотры эти производились государем раз в семь лет и обыкновенно соединялись с осмотром кавалерии, сосредоточенной на юге России. Таким образом, смотры флота были в 1837, в 1845 годах и последующий смотр приходился в 1852 году...»

Прибыв в Севастополь Николай Первый осмотрел порт и арсенал, а затем отправился на линейный корабль «Париж», уже стоявший на внешнем рейде. Из воспоминаний А. Зайчковского: «Незадолго перед тем Черноморский флот обогатился новым громаднейшим 120-пушечным красавцем кораблем «Париж», на котором был поднят флаг главного командира, адмирала Берха. Это было новейшее лучшее боевое судно нашего флота на Черном море, имевшее уже в своем вооружении батарею с бомбическими орудиями, которые только что еще вводились в состав вооружения английского флота. Командиром «Парижа» был капитан 1-го ранга Истомин, впоследствии знаменитый начальник Малахова кургана, погибший на нем 7 марта 1855 года. Старшим офицером был лейтенант П-н (Перелешин – В.Ш.).

Владимир Иванович Истомин

День прихода императора в Севастополь из Одессы, а также и день смотра флота был назначен 2 октября. Суда своевременно заняли назначенные им по диспозиции места на большом рейде. Адмирал Берх поднял свой флаг именно на красавце «Париже», где и ожидал прибытия государя в Севастопольский рейд.

Ввиду отсутствия Корнилова, который находился за границей, к адмиралу Берху на время смотра был командирован князем Меншиковым его любимец, свиты его величества контр-адмирал Васильев, тоже находившийся на «Париже».

Вот на горизонте показывается пароход «Владимир», на котором шел государь. В свите его величества находились: эрцгерцог австрийский Максимилиан (впоследствии несчастный император мексиканский), принц Фридрих прусский (впоследствии император германский), князь Орлов, князь Меншиков, бывший в то время начальником главного морского штаба, а флаг-капитаном государя был капитан 1-го ранга Истомин, брат командира «Парижа».

Как только показался штандарт на пароходе «Владимир», то по сигналу с флагманского судна начался императорский салют, и здесь-то с «Парижем» приключилась неприятность, которая заставила командира и старшего офицера пережить тяжелые минуты, и которая могла испортить успех всего смотра. По недосмотру, для салюта зарядили орудия, находящиеся под парадным трапом, который от первых же выстрелов разбился вдребезги, и остатки его были выброшены в море.

Чтобы понять критическое положение начальства «Парижа», надо вспомнить, что парусные судна были очень высоки, и длина трапа для подъема на верхнюю палубу намного превышала 3 сажени. К тому же было объявлено, что император первым посетит «Париж», как флагманский корабль, да, наконец, и как новое судно Черноморского флота. Времени до посещения императора оставалось каких-нибудь полчаса. Было от чего прийти в смущение, и действительно адмирал Берх пришел в полное отчаянье.

Но не таковы были ученики Лазарева, чтобы растеряться от такой случайности. Напротив, у них тотчас же закипела работа, дабы не лишиться счастья представиться царю.

Дело в том, что, кроме парадного трапа, на каждом корабле существовали палубные трапы. Из них-то и решено было в несколько минут приготовить трап для приема государя императора.

Между тем, когда на «Париже», против которого уже успел стать на якорь пароход «Владимир», закипела спешная работа по изготовлению трапа, контр-адмирал Васильев поторопился отправить к князю Меншикову записку, в которой уведомил его о происшествии на «Париже» и о невозможности государю посетить корабль. В то же время Истомин, командир «Парижа», узнав о посылаемой Васильевым записке, со своей стороны поторопился предупредить брата своего, флаг-капитана государя, о том, что он надеется успеть приготовить трап.

Государь вместе со свитой переходит на катер. Князь Меншиков в эту минуту докладывает ему, что «Париж» посетить нельзя, так как на нем разбился парадный трап, и государю нельзя подняться на судно. Ни слова не ответил Меншикову государь.

Тогда флаг-капитан Истомин, как бы про себя, вполголоса через плечо сказал: «Трап на «Париже» готов». И на это промолчал император Николай Павлович. Но когда катер отвалил, то последовало грозное приказание – на «Париж». К этому времени на «Париже» матросы успели кое-как смастерить примитивный трап. Катер государя пристал к борту «Парижа», и командир его, Истомин, очевидно желая показать годность нового трапа для подъема по нему государя, спустился для встречи его величества вниз, тогда как по уставу он должен встречать на верхней палубе.

– Капитан, ваше место наверху, – раздается звучный и грозный голос Николая Павловича, заставивший Истомина быстро подняться наверх.

На корабле чувствовалась приближающаяся гроза – все присмирело и ждало появления грозного царя.

– Орлов, – слышится внизу, – подымайся вперед! Если тебя выдержит, то и мы пойдем.

И вот десятипудовый князь Орлов начинает подниматься по вновь сфабрикованному трапу, грузно ступая на каждую ступеньку.

Александр Сергеевич Меншиков

За Орловым поднялся государь и, приняв рапорты, не обошел, по обыкновению, выстроившихся офицеров и караул, а суровый прошел на середину палубы и остановился около гот-мачты.

Окинув опытным взором щеголеватый «Париж», в котором все дышало исправностью и лихостью, присущей Черноморскому флоту, посмотрел государь на стоявшую перед ним тысячную молодецкую команду экипажа, и все это сразу сгладило неприятное впечатление случайно изломанного трапа.

– Капитан, откуда ты набрал таких молодцов? – ласково сказал государь, переходя с грозного «вы» на привычное «ты». – Здорово, молодцы!

И вместе с могучим радостным «здравия желаем» все на корабле почувствовали, что гроза миновала, что царь своим чутким оком достойно оценил и «Париж» и его команду.

– Покажи мне корабль!

После этого начался подробный осмотр корабля сверху до низа.

Когда государь сошел в трюм, блестяще освещенный 114 матовыми лампочками и содержащийся в такой щеголеватости и чистоте, что нельзя было предположить, что этот корабль большую часть года несет трудную крейсерскую службу, то государь не мог скрыть своего удовольствия.

Остановившись посередине, причем высота трюма позволяла во весь рост стоять, не сгибаясь и не снимая каски, государь обратился к князю Меншикову:

– Меншиков, скажи, пожалуйста, отчего ты мне в Балтийском море не показываешь корабли так, как показал мне сегодня Истомин – от клотика (верхняя точка мачты) до киля?

На это со стороны князя Меншикова последовал ответ, что в Балтийском море нет таких больших судов, как в Черном.

Поднявшись после осмотра корабля в гондек, государь стал у шпиля и потребовал барабанщика.

– А ты, старик, прячься за меня, – сказал он адмиралу Берху, – а то собьют!

И приказал ударить тревогу.

За тревогой последовало учение при орудиях, потом парусное ученье и так дальше.

Тридцать шесть раз молодецкая команда получила во время смотра царское «спасибо».

Отбывая с «Парижа», государь командиру его, Истомину, пожаловал Владимира на шею, а старшему офицеру, лейтенанту П-ну (Перелешину – В.Ш.) штаб-офицерские эполеты...»

Затем Николай велел начать маневры в составе эскадры на переходе в Николаев. При этом оба командира корабельных дивизий Нахимов и Новосильский были от командования по существу отстранены. Всем заправлял балтийский «полубезумец» Васильев.

Результат получился закономерным. Прекрасно отделанные и подготовленные корабли Черноморского флота с обученными командами маневрировали на редкость неудачно. Походный ордер был расстроен и при подаче сигналов совершенно распался. Император был крайне недоволен своими черноморцами:

– Отдельно взятые корабли подготовлены превосходно, но эскадренные эволюции обстоят из рук вон плохо!

Стоящий напротив старик Берх, беспомощно смотрел на стоявшего рядом с императором князя Меншикова.

– Черноморцам следует еще поучиться, чтобы на следующих маневрах сравняться с Балтийским флотом! – вставил свои пять копеек контр-адмирал Васильев.

Император повернулся к Берху:

– Ну, старик, кого из своих флагманов ты считаешь готовыми вести флот в бой?

Берх вздохнул горестно, на трость опершись (какая там война, когда хвори одолевают!):

– Для командования в важнейших экспедициях военных полагал бы способными адмиралов Нахимова, Новосильского да Метлина.

– Кто же из оных первейшим будет? – продолжал допытываться император.

– А первейшим будет Нахимов, потому как имеет большую опытность в устройстве судов, да и практическом кораблевождении тоже!

– Адмиралов у нас пруд пруди, а настоящих вояк по пальцам пересчитать! Сделайте аттестацию на всех офицеров. Толковых смело назначайте капитанами, а бестолковых списывайте на берег, тогда и флот будете иметь как при Михаиле Петровиче! – закончил разговор император.

По возвращении Корнилова в Николаев, ему было велено отправиться в Одессу, где стоял Черноморский флот в ожидании войск, снять с его якоря и заняться маневрированием в составе эскадры, до полного совершенства.

Впрочем, итоги маневров не помешали императору почти сразу подписать указ о производстве Корнилова с Нахимовым в вице-адмиральские чины. Тогда же была проведена и аттестация черноморского офицерства, за которым последовали перемещения и назначения. В аттестации Нахимова, между прочим, было сказано: «Вице-адмирал Нахимов. Отличный военно-морской офицер и отлично знает детали отделки и снабжения судов; может командовать отдельной эскадрой в военное время».

Император, по-прежнему, верил в свой Черноморский флот и в то, что в случае столкновения с Турцией, черноморцы его не подведут.

Третья глава

Темные коридоры большой политики

В канун рождества 1853 года Николай Первый вызвал к себе князя Меншикова.

– Наша цель в грядущей войне – Константинополь, но тащиться туда через Балканы не с руки! – хмурился император Николай, дырявя циркулем карты Валахии и Болгарии. – На все про все уйдет от года до двух, а за это время Париж с Лондоном могут решиться вступить за турок! Самое лучшее, что можно предпринять – это высадить десант на Босфоре. Никто ничего не успеет и понять, как мы уже в дамках будем!

– Из Одессы известия доходят до Константинополя за двое суток, а оттуда до Мальты еще три-четыре дня! – говорил ему князь Меншиков. – Таким образом, прежде чем англичане что-либо узнают, у нас будет почти неделя! Этого, думаю, будет вполне достаточно для захвата проливов.

– Все это так, – кивнул император и продолжил, помолчавши, – Главная трудность, однако, будет заключаться в том, чтобы вооружить флот и подготовить войска, не возбуждая никаких подозрений и внезапно явиться у Босфора, иначе на британской эскадре в Архипелаге узнают о наших намерениях раньше, чем мы отплывем из Одессы и Севастополя! Сколько сил мы можем перевезти в первом броске?

– Думаю, что тысяч шестнадцать при тридцати орудиях осилим! Столько же сможем перебросить на Босфор еще через неделю-полторы. Для захвата проливных крепостей и их последующего удержания этого будет вполне достаточно. К тому же мы сможем и в дальнейшем все время наращивать свои силы, используя Черноморский флот. Остальная армия, тем временем, перейдет Дунай и, не отвлекаясь на турецкие крепости, стремительными марш-маршами двинется через Балканы напрямик на Константинополь. Двойного удара туркам не выдержать!

– Хорошо! – кивал головой Николай, возбужденно расхаживая взад-вперед по кабинету. – Очень хорошо!

Одновременно военному министру император велел собрать и проанализировать материалы о подготовке возможного десанта и сухопутного похода в Турцию в 1840 году, о турецкой армии, об укреплениях в Босфоре.

Уже через два дня Меншиков выложил перед императором царю эти «соображения» на бумаге. Вскоре на стол к императору легла еще одна бумага. Полковник Генерального штаба Сакен охарактеризовал в ней укрепления Босфора как находящиеся в состоянии «большого упадка», «не имеющие большой важности», а оборону босфорских фортов как ненадежную.

В конце декабря 1852 года, изучив представленные ему бумаги, Николай Первый сделал набросок плана операции: «Могущий быть в скором времени разрыв с Турцией приводит меня к следующим соображениям: Какую цель назначить нашим военным действиям? Какими способами вероятнее можем мы достичь нашей цели? На первый вопрос отвечаю: чем разительнее, неожиданнее и решительнее нанесем удар, тем скорее положим конец борьбе. Но всякая медленность, нерешимость даст туркам время опомниться, приготовиться к обороне, и вероятно французы успеют вмешаться в дело или флотом, или даже войсками, а всего вероятнее присылкой офицеров, в коих турки нуждаются. Итак, быстрые приготовления, возможная тайна и решимость в действиях необходимы для успеха. На второй вопрос думаю, что сильная экспедиция с помощью флота прямо в Босфор и Царьград может всё решить весьма скоро».

Там же на листе Николай, чиркая пером, наскоро произвел и предварительный расчет войск для экспедиции: 13-я пехотная дивизия в составе 12 батальонов при 32 орудиях должна сосредоточиться в Севастополе, 14-я пехотная дивизия в таком же составе – в Одессе. Обе дивизии в один день садятся на суда десантных отрядов Черноморского флота, которые соединяются у Босфора, и захватывают Константинополь, после чего турецкое правительство будет

просить примирения или, в противном случае, начнет стягивать свои силы у Галлиполи или Эноса в ожидании помощи от французов... «Здесь рождается другой вопрос, – писал император, – Можем ли мы оставаться в Царьграде при появлении европейского враждебного флота у Дарданелл и в особенности, если на флоте сем придут и десантные войска? Конечно, предупредить сие появление можно и должно быстрым занятием Дарданелл».

Тогда же император запросил мнения у командования Черноморским флотом. Помимо расчетов его интересовало, горят ли желанием ученики адмирала Лазарева встать во главе столь грандиозного и ответственного предприятия?

Черноморские адмиралы были в восторге! Еще бы, у них появился шанс принять участие в исполнении вековой русской мечты – возвращения Константинополя под сень православия.

19 марта 1853 года начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов представил управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу свою докладную записку по данному вопросу: «...по личному моему мнению:

1) Турецкий флот в руках турок к плаванью в море едва ли способен, но может быть ими употреблен в числе 5 линейных кораблей и 7 фрегатов, к защите Босфора в виде плавучих батарей, особенно при содействии имеемых у них больших пароходов.

2) Укрепления Босфора, хотя и получили против 1833 года некоторые улучшения, но при благоприятных обстоятельствах для Черноморского флота из линейных кораблей, фрегатов и больших военных пароходов покуда легко проходимы;

и 3) заняв Дарданельские укрепления посредством высадки на выгодном пункте, например, в Ялова-Лимане или против греческой деревни Майдос, и имея дивизию на полуострове Геллеспонте, флот Черноморский отстоит пролив против какого угодно неприятельского флота».

Успех нападения Корнилов обусловил соблюдением полной тайны: «И тот и другой случай покушения на Константинополь посредством Черноморского флота и высадки десанта в Босфоре никак не должно предпринимать иначе, как при соблюдении самой глубокой тайны, и потому я бы полагал, дабы усыпить турок, такое действие провозглашать невозможным, а обратить общее внимание на Варну или Бургас».

До сих пор историки спорят между собой насколько был реален план захвата Босфора в 1853 году. Разумеется, что случиться могло всякое, но, в любом случае, не хуже, чем случилось в Крымскую войну.

Большинство сейчас сходятся на том, что, находясь в Босфоре, наш флот и десантный корпус могли бы успешно отбиваться от всей Европы долгие годы. Защищая Босфор, русское командование могло держать свои силы в одном районе, не разбрасывая войска и артиллерию по всему побережью от Одессы до Новороссийска. Ахиллесовой пятой Севастополя являлось снабжение. Особые трудности вызвала транспортировка орудий, боеприпасов и продовольствия через Крым. Напротив, снабжение армии и флота в Босфоре могло весьма легко осуществляться морем из Одессы, Херсона, Николаева, Таганрога и других русских портов. Значительную часть нужд армии можно было удовлетворить за счет трофеев. В Константинополе было все. Пушки и порох можно было взять в арсеналах, на камень для укреплений – разобрать дома и старые крепости. Не стоит забывать, что почти половину населения Константинополя составляли христиане. Из десятков тысяч греков, армян, болгар, сербов и прочих можно было составить вспомогательные войска. Разумеется, их боевая ценность была бы не слишком велика, но в любом случае они были бы полезны при строительстве укреплений и дорог, для умирения турок.

Карл Нессельроде

Увы, все планы грандиозной Босфорской операции, которая могла изменить не только историю России, но и всю мировую историю так и остались на бумаге. Канцлер Нессельроде и другие престарелые сановники уговорили Николая отказаться от десанта в Босфор. Нессельроде настаивал:

– Ваше величество, я уверяю Вас, что Европа простит нам любые нам шалости в Дунайских княжествах, а вот за Босфор и Дарданеллы непременно накажет. Пока мы не уверились в нейтралитете Англии, надо выждать!

И Николай отступил...

– В доблести армии и флота я не сомневаюсь! – Скрепя сердце, сказал он в узком кругу. – Однако прежде десанта мы должны одержать еще одну победу – дипломатическую. В нейтралитете прусского и австрийского монархов я уверен вполне. Весь вопрос в том, как заткнуть глотку Англии, ибо одного Наполеона я ни боюсь нисколько.

– Что же мы можем предложить Лондону? – вопросительно поглядел на императора Меншиков.

– Все что угодно, кроме Босфора и Дарданелл! – нервно дернул головой Николай. – Сейчас обстановка благоприятствует нам как никогда. Турция – смертельно больной человек. Мы можем гарантировать Лондону Египет, Сирию и даже Месопотамию! Только что пал кабинет нашего недруга лорда Дерби, и к власти пришел наш старый друг лорд Эбердин!

– Но и наш заклятый враг Пальмерстон, однако, тоже вошел в его кабинет! – с сомнением спросил Меншиков.

– Вошел, но всего лишь как министр дел внутренних, а потому мы можем надеяться, что в вопросах внешних его голос решающим не будет!

– Переговоры с английским послом вы поручите вице-канцлеру?

– Нет! – решительно мотнул головой император. – Вопрос слишком важен, чтобы я доверил его Нессельроде. Переговоры я буду вести сам! А ты, Александр Сергеевич, собирай чемоданы. Поедешь с миссией в Константинополь. В Иерусалиме французы отвесили нам публичную оплеуху. Не ответить на нее мы не можем. Полномочия даю самые большие, поедешь и разберешься во всем на месте.

Узнав о решении Николая послать чрезвычайным послом в Константинополь Меншикова, канцлер Нессельроде пришел в ужас. При всей своей боязни императора он на сей раз был отважен. Прибыв в Зимний дворец, канцлер кинулся в ноги Николаю:

– Ваше величество не посылайте в Константинополь князя Меншикова! Пошлите Графа Орлова или хотя бы генерала Киселева!

– Отчего это у тебя, Карл Васильевич, такое предубеждение против князя Александра? – навис над тщедушным канцлером император.

– Предубеждений у меня нет, но князь не дипломат, а в Константинополе нам нужен сейчас как никогда тонкий и умный политик!

– Князь Меншиков – один из умнейших людей, каких я знаю. К тому же он решителен и знает мою позицию, а потому к султану поедет именно он. Вопрос уже решен!

– Да! Да! Конечно! – залепетал Нессельроде, вся отвага которого сразу же пропала. – Ваше величество, как всегда, на редкость прозорлив!

Едва молва о предстоящей поездке Меншикова разошлась по Петербургу, к Нессельроде заявился английский посол Сеймур.

– Господин канцлер! – обратился сэр Гамильтон. – Вы можете ответить мне на прямой вопрос: будет ли Меншиков говорить в Константинополе только о святых местах или предъявит туркам какие-то новые претензии?

Что мог ответить ему канцлер, который сам ничего толком не знал! Нессельроде так и ответил:

– Мне ничего иного не известно! Может быть, остаются какие-то частные претензии, но я не знаю о других домогательствах!

– Так значит, иных дел к туркам у вас нет? – продолжал настаивать британец.

– К туркам могут быть только мелкие текущие канцелярские дела, но не больше!

– Ваше заявление меня полностью удовлетворило! – заявил сэр Сеймур и откланялся, чтобы побыстрее отписать последние новости в Лондон.

* * *

9 января 1853 года посол Гамильтон Сеймур был вызван в Зимний дворец.

– Я хочу говорить с вами, как друг и джентльмен! – начал Николай Первый разговор. – Если нам удастся договориться, то все остальное для меня уже неважно!

– О чем же хочет говорить ваше величество? – сразу напрягся Сеймур, поняв, что эта встреча с российским императором будет особой.

– Я хочу говорить о том, что если Англия думает в близком будущем водвориться в Константинополе, то я этого не позволю. Со своей стороны, я заявляю, что если обстоятельства принудят меня занять Константинополь, то только в качестве временного охранителя.

– Но что тогда остается делать нам? – вежливо молвил Сеймур.

– План мой таков: Молдавия и Валахия, Сербия и Болгария становятся независимыми под российским протекторатом. Что касается Египта, то я вполне понимаю его значение для британской короны, и не вижу причин, почему он не мог бы принадлежать вам. Помимо этого, британскому флоту вполне пригодилась бы и Кандия-Крит. Имея этот остров, вы могли бы контролировать все восточное Средиземноморье! Не буду я иметь ничего против и в отношении ваших видов на другие части Турции.

– Я немедленно извещу правительство о ваших предложениях! – взволнованно кивал посол.

– Я не прошу никаких обязательств ни соглашений! Это всего лишь свободный обмен мнениями и мне достаточно от вашего премьера слова джентльмена!

– Ваше величество, я потрясен вашей откровенностью и важностью всего сказанного мне! – говорил сэр Сеймур, откланиваясь.

Итак, жребий был брошен! Россия сделала свой первый ход, и теперь оставалось ждать, чем ответят на него европейские дворы.

Спустя две недели в британском правительстве бурно совещались. Письмо Сеймура было зачитано до дыр, а министры, охрипшие в криках, уже давно общались лишь натужным шепотом.

– Захват Россией Черноморских проливов означает ее полную неуязвимость в будущем! Помимо этого, проливы лишь прелюдия к полному захвату Турции! – ярился фанатичный враг России лорд Пальмерстон.

– По-моему вы слишком сгущаете краски! – утихомиривал его известный русофил лорд Эбердин.

Виконт Пальмерстон

– Нисколько! – еще больше наседали Пальмерстон. – Но повестке дня будущее Англии на многие века вперед! Напомню, что Персия с подачи тамошнего русского посла Симонича уже двинулась на Герат. Для чего я вас спрашиваю? Только для того, чтобы расчистить России путь в Индию. Вы что желаете отдать русскому царю Индостан?

Присутствующие министры заволновались. Отдавать Индию они не желали.

– Если мы лишимся Индии, то сразу превратимся во второразрядную державу! – зашумели министры. – Этого допустить нельзя!

– Но все же царь Николай готов отдать нам Египет с Кандией! – резюмировал министр иностранных дел лорд Джон Россел. – А это не так уж и мало. Кроме того, он готов отдать нам в придачу Сирию с Месопотамией! Что нас ждет в будущем – увидим, а пока можно извлекать неплохую выгоду из того, что само идет нам в руки.

– К тому же все эти приобретения не будут стоить нам ни пенса! – подал голос лорд Эбердин.

– Но как вы все не понимаете, что это же ловушка! – вскочил с места неутомимый Пальмерстон. – Предлагая Египет и Сирию, Россия сталкивает нас лбами с Францией. Пока мы будем выяснять отношения с Парижем, Сербия, Болгария, Черногория, Молдавия, Валахия и Константинополь превратятся в русские губернии! Дележ Турции по-русски – это лишь ловкий дипломатический маневр, прикрывающий полное поглощение Турции Россией. Но и это не главное! Лишившись хлеба дунайских княжеств, мы всецело станем зависимы от русских цен на хлеб! После этого Россия станет первой державой мира, и никто никогда с ней уже не совладеет!

– Если садишься ужинать с чертом, запасайся самой длинной ложкой, иначе на твою долю ничего не останется! – прокомментировал своего единомышленника лорд Кларендон.

В итоговом решении кабинета министров было признано предложение российского императора не принимать, как не отвечающее английским интересам. При этом тут же образовались две партии. Первая во главе с Пальмерстоном кричала о войне с Россией, вторая, во главе с Эбердином стояла за то, чтобы решить дело миром.

Результатом совещания стало письмо Сеймуру, где указывалось, что Англия отказывает России по всем пунктам.

Николай категоричным отказом англичан был сильно раздражен. Это была оплеуха ему лично. Вице-канцлер Нессельроде, тем временем, просил посла Сеймура успокоить английского премьера в том, что его беседа с императором носила лишь частный характер.

– Мы не желаем зла Турции, а лишь желаем защитить ее от французских угроз! – неуклюже выкручивался вице-канцлер.

Сэр Гамильтон Сеймур заученно улыбался и кивал головой. Он был настоящим дипломатом, а потому знал, как и где себя вести.

Именно в те дни началось быстрое сближение между старыми заклятыми врагами Лондоном и Парижем. Наступив на горло своей гордости, Наполеон III собственноручно писал лорду Мэмсбери: «Мое самое ревностное желание поддерживать с вашей страной, которую я всегда так любил, самые дружеские и самые интимные отношения». На что лорд Мэмсбери отвечал, что «пока будет существовать союз Англии и Франции, то обе страны будут непобедимы».

Блестящую игру против нашего посла в Лондоне барона Бруннова провел английский посол в Париже Каули. Будучи в отпуске дома, он вдруг напросился в гости к Бруннову. Никогда, не будучи с ним на кроткой ноге, в этот раз лорд Каули был на редкость не сдержан на язык.

– Никто не имеет влияния на Наполеона! – разглагольствовал он. – Его министры самоничтожество, а министр иностранных дел Друэн де Люис полный идиот!

– Но сам Наполеон-то фигура? – спрашивал барон, сбитый с толку откровениями англичанина.

– Все нет! – хлопал его по плечу Каули. – Наполеона интересуют исключительно спекуляции на бирже! А так как война неблагоприятна для финансовых спекуляций, то он никогда не доведет дела до столкновения с Россией. Не враг же он собственному карману!

– Как интересно! – придвинулся в кресле Бруннов.

Поразительно, но на сей раз Каули легко провел вроде бы искушенного в политических интригах Бруннова. Почему? Может быть потому, что последний, просто сам желал быть обманутым. Как бы то ни было, но Бруннов тотчас отписал депешу в Петербург, где, пересказав бредни Каули, сделал вывод, что тот, несомненно, говорил чистую правду.

К письму Бруннова достаточно серьезно отнеслись и Нессельроде, и Николай. Интрига продолжала раскручиваться, набирая все большие и большие обороты.

Пока Петербург пребывал в приятных иллюзиях, новая политическая ось Лондон-Париж обретала все более и более реальные черты. Помимо нарочитой дружбы английского министра иностранных дел с французским послом Валевским, в Лондоне произвели и серьезную рокировку ведущих политических фигур. Министром иностранных дел вместо осторожного Джона Росселя был назначен давнишний недруг России лорд Кларендон. А затем Туманный Альбион нанес еще одну оплеуху русскому царю. Новым послом в Константинополь был назначен личный враг Николая лорд Стрэтфорд-Рэдклиф-Каннинг. Назначение заклятых врагов на ведущие дипломатические посты значило, что Лондон свой окончательный выбор в раскладке политических сил уже сделал.

Аппетиты у английских русофобов были преогромные. Уже в марте 1853 года Пальмерстон разработал план будущего раздела России, который сводился к следующему: Аландские острова и Финляндия отходили к Швеции. Прибалтика передавалась Пруссии. Восстанавливалось польское королевство, как барьер между Германией и Россией. Молдавия и Валахия отходили к Австрии; Крым, Грузия отдавались Турции; Черкессия становилась или “независимой”, или передавалась под суверенитет султану. Граница России на юге устанавливалась по линии Кубани и Терека. Для Англии же Пальмерстон мечтал прибрать к рукам Архангельск, откуда бы британские купцы могли торговать с Востоком.

Мало кто знает, что новообразованный англо-французский союз его участники именовали ласково – «Антант кординаль», что в переводе с французского значит – «Сердечное соглашение». Это была та же самая знаменитая Антанта, к которой на свое горе в начале XX века

примкнет и Россия, после чего будет окончательно сокрушена, предавшими ее союзниками. Пока же Антанта делала лишь свои первые шаги, но направлены, они были, разумеется, уже против России.

С каждым днем становилось очевидным и то, что руль британской политики надежно перехватил из рук миролюбивого Эбердина рьяный русофоб Пальмерстон. Нашего посла в Англии барона Бруннова никто более не замечал и с его мнением не считался.

– Мне кажется, что если бы я завтра исчез, то этого в Лондоне никто бы не заметил! – горевал престарелый посол.

Перед отъездом лорд Стрэтфорд получил два инструктажа. Во время первого из них премьер-министр Эбердин призывал его к сдержанности и миролюбию. Второй инструктаж провели лорд Кларендон и Пальмерстон. Не в пример первому, он был долог и обстоятелен.

– Первая задача состоит в том, чтобы убедить турок уступить все спорные моменты о святых местах. Когда же окажется, что русскому царю этого мало и Меншиков от его имени выдвинет территориальные требования, надлежит спровоцировать турок на войну с Россией. – Изложил министр иностранных дел свой план действий.

– Это и есть главная моя задача? – спросил посол.

– На первом этапе да! – засмеялся Пальмерстон. – Но только на первом! Пока русские будут драться с турками, мы втянем в войну Францию с Австрией, а затем и сами выступим на стороне коалиции. Такого удара русским уже не выдержать! Мы вышибем Россию с главной сцены и заставим навсегда занять место в зрительских рядах!

– Однако русские умеют быстро вставать на ноги! – неуверенно покачал головой Стрэдфорд-Каннинг.

– Милый Чарльз! – засмеялись лорды-министры. – Поглядите сюда! Пальмерстон раскатал перед послом карту. Стрэдфорд удивленно поднял глаза:

– Я ничего не понимаю! Здесь совершенно иные очертания границ!

– Совершенно верно! Это границы недалекого будущего. Смотрите внимательно!

Красным карандашом Пальмерстон яростно чиркал разложенную на столе карту.

– Начнем с севера! – сказал он. – Аландские острова и Финляндию мы возвращаем Швеции, Прибалтику отдаем Пруссии, Польшу мы восстанавливаем, как королевство. Ей же мы отдадим и всю Украину. Это польское образование станет барьером между Россией и германскими землями.

– А что вы предполагаете делать с югом? – заинтересовался лорд Россел, лорнируя карту.

– На юге все будет просто! – улыбнулся ему премьер-министр и карандаш устремился далее. – Вот смотрите! Австрия получит Молдавию, Валахию, а на десерт устье Дуная, Крым и Кавказ отойдут к Турции. При этом на северном Кавказе мы устраиваем особое государство – Черкессию. Оно будет формальным вассалом султана, но фактически нашим лимитрофом. Для себя мы оставим Архангельский порт и вологодские леса. Там будет генерал-губернаторство.

– Но зачем нам какая-то Черкессия? – поднял близорукие глаза Стрэтфорд.

– Отбиваясь от набегов черкесских разбойников, русским будет уже не до европейских дел. Мы развалим восточного колосса и вернем Россию к временам татарского ига.

– Это поистине грандиозно! Да поможет нам Бог! – растянул губы в улыбке Стрэдфорд-Каннинг. – Что касается меня, джентльмены, то я сделаю все от меня зависящее, чтобы воплотить эти прожекты в жизнь! Можете не сомневаться в моем усердии!

– А мы и не сомневаемся! – закивали головами лорды-министры. – Мы верим в общий успех!

– Вся проблема сегодня лишь в русской армии и флоте! – раздраженно дернул головой премьер-министр и в сердцах бросил свой красный карандаш.

Стрэтфорд, 1-й виконт Стрэтфорд де Рэдклиф Каннинг

Тот резво прокатился по Финляндии и Польше, затем, все ускоряясь, миновал Молдавию с Валахией и, пересекая Дунай, остановился посреди Черного моря. – Вот Вам, господа, и знак! Именно здесь на Черном море и будет скоро решена судьба Европы! – пафосно воскликнул премьер-министр.

Спустя несколько дней статс-секретарь министерства иностранных дел лорд Кларендон в своем выступлении в парламенте уже публично озвучил и план будущего раздела России. Согласно плану Кларендона от России отторгалась почти вся ее европейская часть с Финляндией, Архангельском, Прибалтикой, Польшей, Украиной, Молдавией, Крымом и Кавказом. Свое выступление Кларендон закончил витиеватой фразой о традиционной английской умеренности, бескорыстности и, ну и, разумеется, о демократичности и миролюбии.

Зигзаги истории имеют свойство повторяться в различных эпохах. И нам, уважаемый читатель, надо помнить, что тогда в середине XIX века британский истеблишмент готовил нам свой план «Барбаросса», который почти сто лет спустя, будет лишь повторен Гитлером. Увы, хотелось бы это кому-то или нет, но об этом говорят факты!

Четвертая глава Посольство князя Меншикова

До сих пор историки не пришли к единому мнению относительно личности князя Меншикова. Диапазон отзывов о нем чрезвычайно велик от восторгов о честности и образованности, уме и остроумии князя, до откровенных проклятий. Что и говорить, князь Александр Сергеевич Меншиков был фигурой сложной и неоднозначной.

Князь слыл заядлым библиофилом и обладателем громадной библиотеки на всех языках Европы был скептиком и циником, откровенно презиравшим тех, кого считал глупее себя. При этом себя князь ценил так высоко, что когда однажды ему было предложен пост посла в Саксонии, он возмутился таким оскорблением и подал в отставку. Будучи очень богатым, Меншиков никогда не воровал казенных денег, что было в то время редкостью. При этом Меншиков был не лишен административных способностей и лично храбр.

Что касается императора Николая, то он на протяжении всего царствования был о князе самого высокого мнения. Николай поручал ему самые разнообразные дела и Меншиков с ними неплохо справлялся. Он был финляндским генерал-губернатором и командовал войсками, возглавлял Главный Морской штаб и успешно штурмовал Анапу с Варной в прошлую турецкую войну, затем и вовсе исполнял обязанности морского министра.

И вот теперь Николай решил доверить своему любимцу дипломатическое поприще, причем доверить в самый ответственный момент для России. От того, как справится князь с возложенной на него задачей, зависело слишком много.

Александр Сергеевич Меншиков 1856 г.

Сам Меншиков о новом назначении говорил с иронией, хотя в успехе своей поездки нисколько не сомневался.

– Я должен заниматься ремеслом, к которому у меня нет ни малейших способностей! – шутил князь в узком кругу перед отъездом из Петербурга. – Мне предстоит беседовать с неверными о церковных материях! Но не это главное! Мы готовимся воевать не с Европой, а с больной Турцией! Сомнений в исходе этой драки у меня нет, а потому церемониться с Абдул-Меджидом я не намерен! Я слишком хорошо знаю Восток. Там уважают только силу, а любую мягкость считают проявлением слабости!

– А что вам советовал Нессельроде? – спрашивали его.

– Я не считаю нужным консультироваться у этого ничтожества! – отвечал Меншиков. – Что он может кроме причитаний и стенаний! Все что надо, мне устно сказал государь!

11 февраля 1853 года князь Меншиков покинул Петербург и выехал к месту своего назначения.

Уже при прощании Нессельроде украдкой сунул в карман князю какую-то бумажку.

– Что это еще у вас? – недовольно спросил князь.

– Это мои советы, как завершить вашу миссию миром! – грустно вздохнул канцлер.

– Думаю, что ваши советы мне не понадобятся! – холодно ответил Меншиков. Не прост, ох, не прост был сиятельный князь Александр Сергеевич!

Вся Европа, затаив дыхание, ждала приезда князя Меншикова в Константинополь. Одновременно туда спешил и новый британский посол Стрэдфорд-Рэдклиф-Каннинг. От исхода дуэли этих двух дипломатов во много зависело будущее мира. Пружина интриги была уже сжата до предела. Вот-вот она должна была начать стремительно разжиматься, но, когда именно это произойдет, и кто станет, в конце концов, хозяином положения, было еще совершенно не ясно.

По пути Меншиков остановился в Кишиневе, где произвел смотр 5-му армейскому корпусу.

– Генерал я доволен бравым видом солдат и тем, как командуют офицеры! На сегодня ваш корпус – лучший в нашей армии! Я непременно отпишу об этом государю! – объявил он командиру корпуса Непокойчицкому, причем объявил так, чтобы на следующий день его слова появились во всех газетах.

Из Бессарабии князь отправился в Севастополь, где произвел еще один смотр, на этот раз, уже Черноморскому флоту. Маневрами черноморцев Меншиков тоже остался доволен.

Убывая в Константинополь, князь раскланялся с местным начальством на Графской пристани. Посреди бухты дымил черной трубой пароход «Громоносец».

Рядом с Меншиковым стояли Корнилов и Непокойчицкий, которым было велено сопровождать князя в составе свиты. Присутствие двух военачальников должно было, по мысли князя, сделать турок более сговорчивыми.

Под звуки марша Меншиков в сопровождении свиты сел в катер и отбыл на пароход. Вот над «Громоносцем» взлетел флаг начальника Главного штаба, дым из трубы повалил черный и густой. Закрутились колеса, вспенивая плицами воду, и «Громоносец» взял курс в открытое море.

Собравшиеся по берегам люди всматривались в уходящий пароход. Что привезет он им обратно: мир или войну?

На траверзе Константиновского равелина набежавшая волна качнула пароход.

– По крайней мере, за время этого вояжа я осматриваю подступы к Константинополю, как знать, не придется ли нам вскоре его штурмовать! – поделился своими мыслями с Корниловым Непокойчицкий, схватившись за поручни ходового мостика.

– Меня, скажу прямо, больше интересуют берега Босфора и береговые форты! Может быть, и нам придется высаживать десант! – ответил Непокойчицкому Корнилов. – Во всяком случае, нам обоим есть чем заняться!

– Господа! – обратился к стоявшим, поднявшийся на мостик адъютант князя подполковник Сколков. – Их сиятельство просит вас в салон отобедать!

– Султан Абдул-Меджид царствует, но не правит! – делился своими мыслями, за обедом в салоне Меншиков. – Он слаб как монарх и всегда находится в плену интриг, сплетен и слухов. Это и облегчает, и затрудняет нашу задачу. Удастся ли нам перешептать английских и французских шептунов, вот в чем вопрос! «Громобой» плавно качало. Чтобы тарелки обедающих не скользили по скатерти, вестовые ее предварительно намочили, но помогало это мало. И если привыкший к качке Корнилов весьма ловко управлялся со своими приборами, то у Меншикова и Непокойчицкого с этим были проблемы.

Абдул-Меджид I

– Увы, – иронизировал князь, пытаясь уже не в первый раз зачерпнуть из ускользающей от него тарелки, – Мы призваны решать судьбы мира, но не можем порой даже накормить самих себя!

28 февраля «Громоносец» причалил к пристани у дворца османлисов Топхане. Капитан-лейтенант Керн выполнил маневр безукоризненно, чем заслужил одобрительный кивок Меншикова. С береговых фортов российский пароход приветствовали салютом. Наши отвечали.

На берегу Меншикова с криками радости встречала огромная толпа греков, болгар и сербов, живших в турецкой столице. Встречавшие порывались, было, нести князя на руках, но Меншиков вежливо отказался от такой чести и предпочел коляску.

Так началось посольство, которому предстояло занять особое место в российской истории.

Свой первый визит Меншиков нанес великому визирю Мехмету-Али. На востоке все важные дела принято решать без спешки, а потому во время первой встречи говорили только о здоровье императора и султана, и их близких, пили кофе да курили кальян.

Второй визит, согласно церемониала, Меншикову надлежало сделать министру иностранных дел Фуад-эфенди, известному русофобу и англоману. Турки готовились к приему русского посла весьма тщательно. Апартаменты министра подготовили к приему со всей пышностью, когда вдруг стало известно, что визита не будет. Удивленный великий визирь отправил к князю справиться о причине такого решения:

В ответ Меншиков объявил:

– К Фуад-эфенди я не намерен ездить вообще, как и нее желаю иметь с ним никаких дел.

– С кем же вы намерены вести переговоры? – спросил удивленный посланец визиря.

– Только с Мехметом-Али! – был ответ русского посла. – При этом я хотел бы, чтобы визирь встретил меня лично у подъезда!

Демарш русского посла вызвал настоящую сенсацию у местных послов. Ничего подобного никто из них не мог даже припомнить. Всем было очевидно, что затевается какая-то большая интрига.

Узнав о требовании Меншикова, Мехмет-Али всплеснул рукавами шитого золотом халата:

– Но я не имею права этого делать!

Все, затаив дыхание, ждали, что будет дальше. Вскоре к неудовольствию князя выяснилось, что в спешке сборов забыли захватить с собой карту Турции. Ее пришлось выпросить у австрийского генерала барона Гесса. Барон карту дал, но при очередном дипломатическом рауте не удержался от публичной реплики:

– Мне кажется, что русские не к чему не готовы, а потому импровизируют на ходу! Толку от такой импровизации будет не много!

На третий день своего пребывания в Константинополе, Меншиков снова отправился к визирю. При этом одет он был не по форме, а в партикулярное пальто, на голове красовалась мягкая шляпа. На негласном языке дипломатии это значило, что Меншиков наносит не официальный визит, а едет к визирю, что называется, в частном порядке. Но и это не все! Зайдя к визирю, князь даже не удосужился снять с себя пальто, так и оставшись в нем на протяжении всей встречи.

Великий визир с истинно восточной учтивостью, постарался сделать вид, что не заметил княжеского демарша. Оба снова пили кофе с шербетом и вели пустопорожние беседы. Наконец, визит был окончен. Меншиков вышел в приемный зал, где его ждала целая толпа вельмож, чтобы торжественно ввести в уже заранее открытые настежь двери кабинета министра иностранных дел Фуад-эфенди. Но Меншиков, не останавливаясь, демонстративно прошел мимо кабинета, не обращая никакого внимания на обступивших его. Выйдя вон, князь убыл в посольство.

Тем же вечером султан Абдул-Меджид совещался с великим визирем.

– Меншик-ага очень зол на Фуада-эфенди и не хочет иметь с ним дел! – говорил султану Мехмет-Али. – Надо чем-то пожертвовать, иначе дело может закончиться войной!

– На все воля Аллаха! – закатил глаза к потолку Абдул-Меджид. – До меня дошли слухи, что русские уже приготовили в Бессарабии два армейских корпуса. Белый царь не шутит, а потому пойдем навстречу Меншик-аге и сменим столь не любимого им Фуада-эфенди!

На следующий день Фуад-эфенди был изгнан из своего кабинета, а его место занял более лояльный к России Рифаат-паша. Это была несомненная победа Меншикова, но как эта победа отзовется в дальнейшем, пока не мог сказать никто.

В британском посольстве тем временем готовили ответный удар.

– Восточный вопрос сегодня вступил в новый весьма острый фазис! – резюмировал сдающий дела британский посол Роуз.

– Меншиков занимается провокацией и запугиванием! – качал головой, прибывший на его место Стрэтфорд-Рэдклиф. – А как дерзко он обращался с визирем! А его неснятое пальто – это же форменное безобразие!

Теперь сразу два человека старались изо всех сил обострить отношения между Россией и Турцией. Но если Меншиков действовал при этом по-военному прямо и топорно, то Стрэтфорд-Рэдклиф осторожно и исподволь. При этом у английского посла была своя не менее важная, чем у Меншикова задача, – свалиться со своего места великого визиря Мехмета-Али, которого Лондон считал не слишком лояльным к себе. Это сделать пока не удавалось, а потому английский посол был зол и желчен.

Тем временем, Меншиков, казалось, набирал очки и был принят уже самим султаном. Ему князь вручил личное письмо Николая Первого, в котором император вежливо, но настойчиво приглашал Абдул-Меджида соблюдать освященные веками права православной церкви и подумать над последствиями своего возможного упорства. Помимо этого, Меншиков деликатно намекнул султану, что Турции было бы весьма выгодно заключить секретный союз с Россией против Франции.

– Это будет способствовать внутреннему спокойствию Высокой Порты, а мы будем готовы прийти к вам на помощь, ежели какая-либо европейская держава вздумает воспрепятствовать вам, исполнить свои обещания, данные моему императору!

В дальнейшей беседе князь потребовал от султана «взять обратно» уступки, сделанные латинянам-католикам.

Абдул-Меджид теребил рукой, крашенную хной, бороду.

– Что бы досточтимый Меншик-ага желал бы получить? – поинтересовался он через драгомана.

– Мы бы хотели забрать ключ от большой двери Вифлеемской церкви и поменять звезду над храмом.

Султан, нервно перебирая четки, отмалчивался. На вечер у него была запланирована встреча с послом английским, и никаких обещаний никому Абдул-Меджид пока давать не собирался.

На том визит и завершился. Хмурый Абдул-Меджид велел звать к себе визиря.

– Гяуры готовы растерзать Порту на части, а потому мы должны столкнуть их всех лбами, а самим смотреть со стороны, как неверные истребляют друг друга! – объявил султан ему линию поведения.

– Что же прикажет мне делать, о величайший из падишахов Вселенной? – пал ниц визир.

– Будем ждать! – отвечал султан мудро. – И надеяться на милость Аллаха! Пока князь вел переговоры, Корнилов на «Бессарабии» вышел из Константинополя в Грецию, якобы, для осмотра находившихся там русских судов. Фактически же вице-адмирал изучал состояние турецкого флота и укреплений Босфора и Дарданелл. Вернувшись в Николаев 18 марта, он подготовил подробный отчет об этом походе. Отчет этот Корнилов направил генерал-адмиралу, изложив в докладной записке свое мнение о сопротивлении, которое сможет оказать турецкий флот и береговые батареи нашему флоту при высадке десанта в Босфоре и Килиосе.

В остальное время Корнилов и Непокойчицкий старались собрать новые сведения о турецкой армии и флоте. Женам они писали успокоительные письма, но на душе у обоих было беспокойно. Корнилов нервничал особенно. Пользуясь его отсутствием в Николаеве, был произведен «дворцовый переворот». Бесхарактерного Берха легко прибрал к рукам генерал-лейтенант Лидерс, который начал править флотом, так, что зачесали затылки даже самые невозмутимые. По этой причине Корнилову надо было, как можно скорее, возвращаться и наводить порядок в доме. Но Меншиков в обратный путь явно не торопился.

* * *

С весны 1853 года серьезно изменилась обстановка и на Черном море. В июне к Дарданеллам подошла французская эскадра. Одновременно турки стали перебрасывать войска на Дунай. На Кавказе сразу поднял голову Шамиль. Турецкие и английские агенты не скупались ему ни на обещания, ни на деньги. Узел запутывался все больше и больше.

Почти три месяца длилось посольство Меншикова в Константинополе. Все это время было заполнено дипломатической сутолокой вокруг вопроса: согласиться ли султан подписать договор с российским императором или нет.

Начав хорошо, по мере дальнейшего развития ситуации, Меншиков начал затем постепенно терять влияние на ситуацию. Даже великий визир, который поначалу был вполне расположен к русскому князю, и тот потихоньку переметнулся к английскому послу Стрэтфорду.

Наполеон III, император Франции

По правде говоря, при всей своей напускной дерзости Меншиков мог не слишком то и много, так как имел весьма жесткие инструкции Николая Первого с его личной пометкой: «Быть по сему». А потому князь не мог ничего уступить, если бы даже очень того и захотел.

В начале апреля Меншиков получил копию письма лорда Кларендона английскому послу в Петербурге Гамильтону Сеймуру, которое последний вручил канцлеру Нессельроде. Из письма следовало, что англичане были крайне раздражены миссией Меншикова. Противостояние Петербурга и Лондона стремительно нарастало.

Апрель месяц прошел в вялых переговорах. Меншиков потихоньку наступал, турки медленно сдавали позиции. Но чем больше нападал на султана Меншиков, тем большее влияние приобретал на Абдула-Меджида посол Стрэтфорд.

Меншиков выжидал, пока Южная армия закончит сосредоточение на дунайских границах, а это не могло быть завершено раньше конца мая. Стрэтфорд советовал туркам рискнуть и решительно пойти на все уступки русским, поставив тем самым Меншикова в безвыходное положение.

– Это заставит князя врасплох, и он начнет делать неверные шаги! – советовал хитрый британец.

Султан тянул время, но, в конце концов, решился и объявил, что Турция готова отдать православным ключи от Вифлеемской церкви и водрузить на ее куполе звезду. В тот же день последовал протест Меншикова. Князь, явно перегибая палку, требовал уже от султана право вмешательства России в дела всех исповедующих православие, то есть в дела почти половины населения тогдашней Турции. При этом Меншиков ставил ультиматум и грозил своим отъездом и полным разрывом отношений. Увы, но расчет британского посла оказался верен. Меншиков явно перегнул палку.

А Стрэтфорд, между тем, нанес еще один удар. Встретившись с поверенным в делах Озеровым (сам князь видеть британца не захотел), он заявил:

– Мы полностью сочувствуем нуждам турецких христиан и нам понятная обеспокоенность их судьбами. Вы можете быть уверены, что Англия не вмешается в вашу войну с султаном и не окажет Турции ни материальной, ни финансовой помощи!

Это была наживка, причем самая примитивная. Но Меншиков на нее клюнул! Он немедленно отписал Николаю соответствующее письмо. Тот был в восторге: если Англия умывает руки, то с одной Турцией совладать будет не сложно, французской же поддержки Россия не боялась.

В тот же день Стрэтфорд успокаивал турецкого визиря:

– Не бойтесь русских! Уступив им сейчас, вы потеряете Константинополь! Мы вас не оставим один на один с русским медведем и окажем всемерную помощь, вплоть до военной!

Рафаат-паша меланхолично качал тюбаном:

– На все воля Аллаха!

Вот как описывал позднее хитросплетения переговоров с Меншиковым визирь Мехмета-Али: «Меншиков в первых совещаниях, которые у него были со мной, пускал в ход угрозы против Турции и говорил о Франции и об Англии с ненавистью и презрением. Таким способом он пробовал заставить меня согласиться на сенед (договор). Встретив с моей стороны упорное сопротивление, он оставил проект сенеда и предложил оборонительный и наступательный союз. Однако, так как этот проект отдавал Турцию, связанную по рукам и ногам, во власть России и в то же время неминуемо вел к разрыву с Францией и Англией, я попробовал вернуться к первому предложению князя, к сенеду. Я в самом деле заметил, что князь Меншиков не имел намерения искать разрыва, но хотел избежать его, если это возможно. Что касается Решид-паши, то он мешал мирному исходу». Мехмет-Али очень распространяется о роковой роли и интригах других второстепенных лиц, но утверждает, что Меншиков уже шел на уступки, уже соглашался удовольствоваться нотой, а не сенедом. «Я действовал относительно него с самой полной откровенностью. В особенности я ему доказывал, что Россия своими требованиями заставляет нас оставаться душой и телом преданными морским державам и что настанет момент, когда мы будем только орудием в их руках, – как этот момент, действительно, и наступил... Я давно уже видел, что князь Меншиков хотел выйти из тупика, в который он попал, следуя советам, которые ему давали гг. Озеров и Балабин под влиянием тщеславия и желания не портить своей карьеры. Я видел, что Россия не желает разрыва». Дальше события развернулись так. Решид-паша, интриговавший с целью сместить великого визиря и стать самому по крайней мере министром иностранных дел, дал знать Меншикову, через греческого логофета Николая Аристархи, что он, Решид, если бы получил должность министра, склонил бы султана подписать не то что ноту, а даже сенед, от которого Меншиков уже соглашался отказаться. «Меншиков попался в эту ловушку, – пишет Мехмет-Али во французском документе, напечатанном среди бумаг Тувнеля. Не понимая, что Решид – орудие в руках Стрэтфорда-Рэдклифа, прямо толкающего Турцию и Россию к войне, Меншиков на аудиенции у султана добился немедленного назначения Решид-паши министром. Но, став министром, Решид «нагло отрицал», что брал на себя это обязательство, и даже прибавил, что «скорее дал бы себе отрезать руки, чем подписал бы сенед». По определению Мехмета-Али, Решид был «великий лжец», – и, судя, по дальнейшим словам, цитируемого документа, Мехмет-Али считал, что солгал тут Решид Николаю Аристархи, а вовсе не Николай Аристархи – Меншикову, когда передавал князю обещание Решид-паши подписать сенед. Меншиков очень скоро понял, как жестоко и издевательски он одурачен, и раздражение князя в эту последнюю неделю его посольства, после 13 мая, было уже в самом деле искренним, а не притворным, каким оно являлось до сих пор, когда князь больше играл роль гневающегося, чем в самом деле гневался».

Игра британского кабинета во время пребывания Меншикова в Константинополе была очень сложная. С одной стороны, нужно было всячески поддерживать сопротивление Турции, обещая ей помощь и покровительство, и вести в английской прессе, и в европейских дипломатических кругах настоящую информационную войну. С другой стороны, необходимо было внушать российскому послу в Лондоне Бруннову мысль, что английский кабинет ни за какую Турцию воевать не будет. Первым делом занимались министр иностранных дел Кларендон, министр внутренних дел Пальмерстон и лорд Стрэтфорд-Рэдклиф. Вторую функцию выполнял премьер лорд Эбердин, который мечтал достигнуть дипломатического поражения России без войны. Именно он внушал царю уверенность, что Англия не выступит на защиту Турции, что заставляло Николая делать ошибочные ходы.

* * *

Едва требования Николая к Турции стали известны французскому императору Наполеону, тот созвал в Тюильри своих министров.

– Я не могу оставаться в стороне от наглой выходки русского царя! Я не какой-нибудь Бурбон, я – Наполеон и не потерплю унижения Франции! – эмоционально начал племянник Бонапарта.

В углу кабинета, нервно качая ногой, сидел министр иностранных дел Друэн де Люис. Он не разделял императорского пыла:

– Император Николай требует невозможного – властвовать над половиной турецкого населения. И все же я не вижу оснований ругаться с русскими из-за их спора с турками! По крайней мере, не будем спешить! Пусть русский царь сам разоблачит свою истинную цель и предстанет перед Европой как настоящий варвар! Пока же заурядная ссора монахов не стоит большой войны! Остальные министры согласно закивали. Наполеон дернул нафабранными усами:

– Мы должны отправить эскадру в Архипелаг. Близость нашего флота к Турции умерит аппетиты русских!

– Вы совершенно правы, сир! – подал голос министр внутренних дел известный кондитер Персиньи. – Дело вовсе не в «святых местах», а в престиже Франции, и ее императора. Уступивши во внешних делах, мы сразу же обострим наши дела внутренние! К тому же нас поддерживает Англия!

– Решено! – вскинул голову Наполеон. – Я посылаю флот!

Он повернулся к застывшему в дальнем углу морскому министру Дюко:

– Сейчас же отправьте в Тулон телеграфный приказ: эскадре следовать в Саламин!

Так был сделан первый шаг к будущей войне. 23 марта 1853 года французский флот оставил Тулон и взял курс на восток.

Вслед за Парижем решил, было, отправить свои корабли в эгейские воды и Лондон. Но командующий Средиземноморским флотом адмирал Дондас неожиданно оказался более трезв, чем правительство. Адмирал отказался покидать Мальту, пока не получит четких письменных указаний.

– Пусть господа из Сити вначале определяться, что они конкретно хотят от флота, а затем уж кидают его в драку русских с турками!

Подумав, министр иностранных дел Англии лорд Кларендон согласился с мнением адмирала:

– Ладно, не будем пока торопиться, а поглядим, как лягут русские и французские карты!

В результате Англия решила с посылкой своего флота несколько повременить. В Петербурге сразу повеселели: англичане остаются нейтральными! Увы, радовались там напрасно, ибо Лондон еще не в чем не определился, он просто затаился до поры до времени, выжидая по своему обыкновению, чья возьмет. Известный капиталист и русофоб Фридрих Энгельс призывал в те дни на страницах «Нью-Йорк Дейли Трибьюн» об общеевропейском крестовом походе на Россию: «...После того, как Одесса, Рига, Кронштадт и Севастополь будут взяты, Финляндия освобождена, неприятельская армия расположится у ворот столицы, все русские реки и гавани будут блокированы, – что останется от России? Великан без рук, без глаз, которому больше ничего не остается, как стремиться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его наобум туда и сюда, где зазвучит вражеский боевой клич. Действуй морские державы Европы с такой силой и энергией, Пруссия и Австрия могли бы освободиться от русского ярма настолько, чтобы даже примкнуть к союзникам...»

Ему вторил друг интернационалист Карл Маркс:

– Славяне не принадлежат к индоевропейской расе, а потому их нужно отбросить за Днепр!

Хотелось бы нам того или нет, но закадычные друзья Маркс с Энгельсом уже за сто лет до Гитлера мечтали о плане «Барбаросса».

Развязка константинопольской интриги наступила 13 августа во время торжественного заседания Дивана во дворце великого визиря, куда был приглашен русский князь. Меншиков планировал нанести в этот день туркам решающий удар, выдвинув новые требования. В назначенный час во дворце в Куру-Чесме собрались великий визирь, и министр иностранных дел Рифат-паша, сераскир и представитель улемов. Долго ждали Меншикова. Наконец показали его экипажи. Но князь остался верен себе. Он не остановился под окнами дворца, где его ждали, а проехал дальше во дворец к султану, который его, разумеется, совсем не ожидал. Султан князя принял, требования выслушал, но ответа не дал. После отъезда Меншикова он вызвал к себе министров. Те были оскорблены поведением русского посла и склонялись к отказу от всех русских требований.

– Повелеваю собрать новое заседание! – объявил Абдул-Меджид, а затем, подумав, добавил, – Так как русским все равно не угодишь, отрешаю от должности угодного им Рифата-пашу, вместо него будет отныне Решид-паша, а вместо Мехмета-Али ставлю великим визирем Мустафу-пашу.

Это была катастрофа! Вместо лояльного и добродушного Рифат-паши, Меншиков получил изощренного интригана и англомана Решида-пашу, который, по мнению англичан, был уже «почти джентльменом», так как сидел не на корточках, а на стуле, пользовался при еде вилкой и имел одну жену. Решид-паша был деятелен. Уже на следующий день он провел новое заседание Дивана. Там было решено окончательно рвать отношения с Россией. После заседания Дивана Решид-паша поспешил к Меншикову и заверил того в самых мирных намерениях. После этого хитрый министр сразу же помчался к лорду Стрэтфорду и сообщил, что отныне султан полностью во всем полагается на Англию. Тут же Стрэтфорд написал письмо Меншикову от имени Абдул-Меджида, где недвусмысленно давал понять, что Турция свой выбор сделала. 15 мая Меншиков отправил Решид-паше ноту, в которой заявил, что вынужден разорвать дипломатические отношения с Высокой Портой, но при этом согласен отложить свой отъезд, если турки согласятся продолжить переговоры.

Мустафа Решид-паша

Тогда же князь оставил российское посольство и со свитой перебрался на стоявший у Буюк-дере пароходо-фрегат «Громомосец».

Султан и его министры пребывали в прострации. Война с Россией их страшила. Лорд Стрэдфорд и французский посол Лакур, как могли, успокаивали павших духом турок, что Лондон и Париж их в беде не оставят. Утром 21 мая над трубой «Громомосца» появилась шапка

черного дыма. Пароход дал ход и взял курс в Черное море. Князь Меншиков покидал Константинополь. Это означало разрыв дипломатических отношений с Высокой Портой.

В те дни российский посол в столице Австрии барон Мейендорф, в раздражении писал домой о Меншикове и его вояже: «Самый остроумный человек в России, ум отрицательный, характер сомнительный и талант на острые слова. Дело шло о том, чтобы избавить страну от войны, даже рискуя лишиться популярности и временно вызвать неудовольствие императора. Как плохо обслуживаются государи!»

В середине двадцатых чисел мая 1853 года Европу облетели телеграммы о разрыве сношений между Меншиковым и Оттоманской Портой и о переезде Меншикова из посольства на корабль. Лондонское Сити, парижская биржа пришли в страшное возбуждение. Прибыло известие, что по требованию французского посла в Константинополе де Лакура французский флот, стоявший до сих пор в Саламине, идет к Дарданеллам. В Лондоне и Париже крепки слухи о готовящемся вторжении русских войск в Молдавию.

Князь Меншиков возвращался из Константинополя в самом мрачном настроении. Уже давно российская дипломатия не знала столь сокрушительного провала. Все переговоры о священных местах и покровительстве царя над христианами высокой Порты завершились ничем.

Николай Первый был взбешен сообщением об упрямстве Турции.

– Мы не требуем невозможного, а только пытаемся защитить права своих единоверцев! – говорил он в узком кругу. – Султан слишком быстро забыл, что двадцать лет назад усидел на троне благодаря русскому флоту! Что ж, мы можем ему и напомнить!

В тот же день Петербург предъявил Константинополю ультиматум: или Порта идет на уступки России, или последняя вводит армию в Дунайские княжества. Драться один на один с могучим северным соседом не входило в планы султана, и он готов был пойти на попятную:

– Пусть русский царь берет на себя заботы о греках и всей прочей райи, если ему мало своих забот! Не драться же нам с ним из-за этой ерунды!

Но не тут-то было. Великого визиря уже всю обрабатывали английский и французский послы.

– Неужели вы позволите посторонним распоряжаться в своем доме? Неужели гордость и честь османов ныне просто пустой звук? – внушали они в оба уха. Возвышенные монологи дипломатов подтверждались увесистыми полотняными мешками с гербовыми печатями Виндзоров и Наполеонидов. Скользя взглядом по туго набитым мешкам, верховный визирь быстро прикинул количество металла в них и сглотнул набежавшую слюну:

– Господа! Я ваш верный союзник и завтра же буду просить падишаха Вселенной проявить великую мудрость!

– Каковы гарантии? – осведомился Стрэдфорд, которому предстояло отчитываться за потраченное золото.

– Никаких! – бодро заверил его Мустафа-паша и воздел руки к небу. – Все в руках Аллаха!

– Сообщите султану, что наши флоты уже спешат на всех парусах к Дарданеллам! Не в наших правилах бросать друзей в беде! – холодно улыбнулся визирю посол. – Пусть это известие вселит в сердце султана спокойствие и уверенность.

– Вы готовы драться из-за нас с русскими? – рассеяно почесал крашенную хной бороду визирь.

– Не из-за вас, но вместе с вами! – растянул в улыбке тонкие губы английский посол – Надеюсь, впрочем, что у царя Николая хватит ума пойти на попятную, вы же в любом случае сохраните свое лицо!

Султан поначалу не захотел даже слушать своего визиря:

– Русские в прошлый раз уже стучали своими сапогами в ворота Стамбула, а теперь и вовсе выкинут меня из сераля!

– Но в прошлую войну мы были одни, а теперь у нас за спиной франки и англизы! – внушал ему главный советник – Неверные так злы друг на друга, что готовы перегрызть глотки. Пусть грызутся, мы же будем наслаждаться этим редким зрелищем, и иметь хорошую выгоду!

– Я должен хорошо все обдумать! – махнул рукой султан. – Будем молиться на милость Аллаха!

Два дня султан пребывал в сомнениях. На третий ему сообщили:

– Флот англизов и франков бросил якоря у Тенедоса!

– Много ли у них кораблей? – осведомился падишах.

– Без счета и на каждом по сто огромных пушек!

– Тогда передайте русскому послу, что я отвергаю его наглый ультиматум! – вскинул голову султан. – Властителю османлисов не пристало выслушивать оскорбления нечестивцев!

Пятая глава Эскалация войны

Прибыв в Одессу, Меншиков остался на «Громоносце», бросившим якорь на рейде города. Туда к нему везли депеши и свежие европейские газеты. Озабоченный ситуацией фельдмаршал Паскевич слал князю тревожные письма. Тот успокаивал старого фельдмаршала: «У Порты нет ни денег, ни хорошо организованных войск, ее солдаты... дезертируют целыми бандами, ее вооружения истощаются, и если это положение еще немного продлится, она будет доведена до печальной крайности. Как бы то ни было, лица, вообще хорошо осведомленные, предполагают, что количество войск, которые Порта могла бы выставить в поле, считая тут и гарнизоны крепостей, не превысит цифры в 84 тысячи человек. А, кроме того, мусульманское население, сначала фанатизированное, мало-помалу падает духом...»

Иван Фёдорович Паскевич

Читая послания Меншикова, Паскевич только вздыхал:

– Не туда лезем, ой, не туда! Причем тут Константинополь, когда все будет зависеть от Лондона, Парижа и Вены!

К итогам миссии Меншикова в Петербурге отнеслись по-разному. Большинство (менее посвященное) был в восторге от его решительности и непримиримости, меньшинство (более сведущие) были менее оптимистичны. Граф Алексей Орлов (из сведущих) не стесняясь, говорил:

– Князь наделал в Константинополе массу гибельных глупостей, которые всем нам скоро аукнутся!

Самого императора Николая интересовали укрепления Константинополя и, ознакомившись с ними по присланным картам, он с горечью говорил:

– Пока об этом нечего и помышлять. Надо ждать какого-нибудь благоприятного случая!

Едва получив известие о провале миссии Меншикова, Николай Первый отдал приказ о занятии русской армией Валахии и Молдавии. По плану канцлера Нессельроде этот шаг должен был побудить турок к возобновлению переговоров и уступкам России.

По приезду в Николаев Корнилов обнаружил к своему изумлению, что всем как в Николаеве, так и в Одессе заправляли армейские офицеры. Они решали, как грузить войска на суда, вовсю использовали для своих нужд самовольно занятые флотские помещения. Командир 5-го корпуса Лидерс, полностью подмял под себя слабохарактерного адмирала Берха и уже сам вооружал (как он это понимал!) флот, готовясь к войне. Корнилову пришлось, пользуясь именем Меншикова, навести порядок. Не обошлось и без выяснения отношений с талантливым

и решительным Лидерсом. Не без труда, но, в конце концов, вице-адмирал и генерал пришли к пониманию.

А Корнилов уже мечтал о завтрашнем дне Черноморского флота:

– Новых двухдечных кораблей более строить уже не будем, а на имеющиеся вставим паровые машины. Зато трехдечные отныне будем строить только винтовыми, как и иные мелкие суда. Все машины будем заказывать в России, чтобы ни от кого не зависеть!

Николай I повелел первоначально построить шесть трехдечных винтовых кораблей, по одному на бригаду Черноморского флота. В Николаеве сразу же спешно заложили сразу три винтовых корабля. Но, увы, время было уже безвозвратно потеряно...

26-го июня последовал высочайший манифест о предстоящем занятии русскими войсками дунайских княжеств: "По получении окончательного отказа Порты в принятии наших условий, переправить через Прут войска, на молдавской границе собираемые, и занять Дунайские Княжества, не объявляя войны, но объяснив, что войска наши займут эти области в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливых требований России". Жребий был брошен!

В циркуляре российского министерства иностранных дел ко всем дворам было объявлено, что занятие Дунайских Княжеств нашими войсками будет прекращено, как только Оттоманская Порта удовлетворит наши требования, что мы сами не требуем ни чьей земли и, что мы не откроем военных действий, пока нас к тому не принудят. Наши послы в европейских столицах пытались разъяснить, что акция не направлена ни против кого, а предпринята единственно с целью устрашения турок.

Для занятия Дунайских Княжеств и южной границы Бессарабии, по Нижнему Дунаю, был определен стоявший в киевской, подольской и волынской губерниях 4-й пехотный корпус, генерала Данненберга, в полном его составе, а также 15-я пехотная и 5-я легкая кавалерийская дивизии и три казачьих полка. Во главе армии был поставлен князь Горчаков

Горчаков имел хорошее боевое прошлое, участвовал в персидской и Отечественной войнах, отличился при Бородино и при Бауцене. Полководческая же карьера князя началась с отличий в прошлой турецкой войне. Хорошо показал себя Горчаков и в 1831 году в Польше. 64-летний князь был лично храбр, честен, заботлив о солдатах, но с годами стал рассеянным, забывчивым, суетливым, и, что самое плохое, начал бояться ответственности и ничего не любил решать сам и всегда оглядывался на Петербург.

При штабе Дунайской армии уже давно отирался австрийского военного агента майор Тома, который, прекрасно владея русским языком, всюду совал свой нос и не только сообщал в Вену обо всем, что происходило в нашей армии, но и вошел в контакт с молдавскими и валахскими боярами, побуждая их переметнуться на сторону Австрии. Но когда о проделках шпиона докладывали Горчакову, князь только отмахивался:

– Что вы, что вы! Пусть себе ходит и смотрит! Вы представляете, какой будет скандал, если мы его вышлем с главной квартиры!

30 июня, князь Горчаков предписал начальнику авангарда вверенной ему армии графу Анрепу-Эльмпту идти в голове наших войск, стараясь предупредить вторжение турок в Валахию и Молдавию стремительным движением наших войск на левом берегу Дуная. 8 июля авангард без всяких сложностей переправился через Прут и двинулся форсированным маршем на Бухарест.

Главные же силы, перейдя через Прут, двинулись тремя колоннами: правая генерал-лейтенанта Липранди к Фокшанам, средняя генерала-от-инфантерии Данненберга чрез Берлад, к Текучу, и, наконец, левая колонна, под начальством графа Нирода также к Текучу. Для довольствия русской армии, направленной в дунайские княжества, был заготовлен двадцатидневный запас сухарей, круп, вина, перца, уксусу и порционного скота, сверх того, свезено в Кишинев еще двухмесячный запас.

Пётр Дмитриевич Горчаков

По соглашению с молдавским и волахским господарями местная полиция должна была оказывать содействие нашей армии. На самом деле положиться на молдавских полицейских-дарабанцев и местных пограничников-граничар было никак нельзя. Кроме как воровать все, что плохо лежит, пить вино, да трескать мамалы гу, они ничего не умели. Но к этому у относились с пониманием, не пакостят, и то ладно!

В Константинополе, тем временем, во всю мутил столичный плебс зять султана Мехмед-Али, известный, как поборник древних устоев ислама. Мехмед-Али был давно помешан на священной войне с неверными. В этом у вельможи был свой расчет. По праву османлисов султанский престол зятю не светил ни при любом раскладе, зато стать владельцем какой-нибудь отвоёванной у неверных провинции, да еще с правами шейха – это было возможно.

– Вначале мы с помощью англов и франков свернем шею москочитам, а потом разделаемся и с этими гордецами! – откровенничал Мехмед-Али в кругу своих приспешников. – Что касается меня, то не успокоюсь до тех пор, пока не водружу над всем миром зеленое знамя Пророка! Русские осквернили своими пятками наш Дунай, пусть же за это они наполнят его воды своей собачьей кровью!

От таких речей бросало в дрожь не только великого визиря и Ресми-эфенди, но и самого султана, уж больно воинственен был его зятек! Сам Мехмед-Али воевать, впрочем, не собирався и от предложенной ему должности трехбунчужного паши в Дунайской армии отказался, сославшись на недомогания. Несмотря на это, с Мехмедом-Али надо было считаться. Зять султана был популярен среди улемов и софтов, а также в толпах черни.

Мехмед-Али был человеком дела и вскоре уже его люди собирали в подворотнях нищих и бродяг, щедро сыпали им карманы звонкое серебро:

– Кричите по улицам и площадям смерть москочитам и славу воинам Аллаха! Собирайте людей и ведите их ко дворцу. Султан должен услышать ваш глас! Бродяги пробовали гнилыми зубами серебряные монеты, деловито спрашивали:

– А смерть султану кричать?

– Пока рано! – объяснили им.

Спустя какой-то час Константинополь огласился истошными воплями поборников войны.

– Вот он великий глас твоего народа, мой всемогущий отец! – показал рукой на беснующиеся под окнами дворца толпы, прибывший к султану Мехмед-Али.

– Закройте окна! – велел султан и, шаркая ногами, удалился в покои с видом на Босфор.

Мехмед-Али во дворце не задержался. Вечером ему предстояла встреча с британским послом, который должен был переждать еще несколько мешков серебра на подкуп толпы.

Устало возлежав на софе, Абдул-Меджид слушал вызванного на беседу визиря.

– Русские настроены решительно и пойдут до стен Стамбула, как в прошлую войну! – советовал султану великий визирь. – Напишем слезницу государям Европы, пусть они нас и защищают?

Султан с сомнением смотрел в открытое окно, там, слава Аллаху, не было видно беснующийся черни. Посреди пролива стояли на якорях несколько фрегатов. Было видно, как на мачтах копошатся маленькие фигурки.

– Но решатся ли англы и франки на открытую вражду с Петербургом? – спросил султан.

– Все уже для этого подготовлено, мой повелитель! Гнев и ненависть неверных друг к другу так велика, что они готовы вцепиться друг другу в глотки не хуже бродячих собак! – склонил голову визирь.

– Тогда пиши, что считаешь нужным! – милостиво махнул рукой Абдул- Меджид.

14 июля, Порты ответила на занятие русскими войсками Дунайских княжеств протестом, обращенным к европейским державам, готовым ратовать за неприкосновенность турецких владений. Следствием этого стала конференция в Вене, собранная уполномоченных Англии, Франции, Австрии и Пруссии. На которой, после многих совещаний, был принят проект ноты, составленной французским кабинетом, с незначительными изменениями, сделанными австрийским министром.

1 августа венская нота была отправлена в Петербург и принята Николаем Первым. Вместе с тем, император изъявил согласие и на приезд в Петербург турецкого посланника. Казалось кризис конфликта уже преодолен, и ситуация начинает выправляться. Россия демонстрировала явное миролюбие и готова была пойти на уступки.

Но такой расклад никак не устраивал ни Лондон, ни Париж! Семена раздора, посеянные Редклифом, принесли пагубную жатву. На совете министров Порты, в середине августа, было решено отвергнуть венскую ноту. Диван предложил сделать в ней такие изменения, каких Россия не могла допустить, не унизив своего достоинства.

Получив отзыв турок, венская конференция сообщила в Петербург изменения в ноте, сделанные в Константинополе, причем выразила мнение, что они неважны и не изменяют существа дела. Но не на того напали! Император Николай был раздражен:

– Я без всяких оговорок принял ноту, составленную министрами четырех держав, но не могу допустить, чтобы Порты позволила себе делать произвольные поправки в документе, утвержденном великими державами! – выговаривал он Нессельроде.

Тот близоруко шурил глаза:

– Легкость, с которой Лондон пошел на принятие первичной венской ноты вселяют в меня подозрение в том, что турки действуют по английскому сценарию!

– Как это не грустно признать, но кажется нас загоняют в угол! – еще больше помрачнел Николай Первый. – Вместо продекларированного посредничества четырех великих держав, якобы стремящихся замирить нас с турками, на наших глазах формируется союз Великобритании с Францией в защиту турок и против нас!

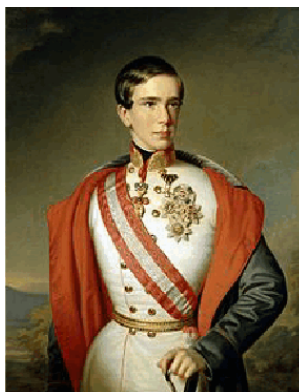
21 сентября, Император Наполеон, получив телеграфическую депешу о беспорядках и погромах в Константинополе, попробовал перехватить инициативу, и предложил британскому правительству перевести в Босфор англо-французский флот, стоявший в заливе Бешике. Лондон и Париж ответили молчанием.

– Царь Николай желает приравнять приход наших кораблей в Стамбул своему занятию дунайских княжеств! – посмеялся, получив это предложение Наполеон Третий. – Мы ему такой возможности не дадим!

А пять дней спустя, 26 сентября, на чрезвычайном совете дивана решено было объявить войну России. Главнокомандующий турецкою армией Омер-паша, собирающий войска в Болгарии, получил повеление – потребовать от русского главнокомандующего, чтобы тот очистил княжества в продолжение двух недель, и в случае отказа в том, начинать воевать.

Что касается Николая Первого, то он, в надежде противопоставить союзу западных держав свой многолетний союз с германскими державами, помчался в Ольмюц, надеясь там договориться с императором Францем-Иосифом. Николая на встрече сопровождал граф Нессельроде, Франца-Иосифа министр иностранных дел граф Буоль.

Молодой австрийский император, обязанный своим тронном русской армии, спасшей его от венгерской революции, благодарностью не отличался никогда. Наоборот бывшее унижение, вызвало в нем об отмщении. При этом Франц-Иосиф откровенно боялся прямого и решительного Николая.

Франц Иосиф I. 1851

Встретившись, вначале императоры поговорили о приятном

– Как мой брат, складываются твои отношения с баварской принцессой. На мой взгляд принцесса Елизавета прекрасна и является для тебя лучшей из партий!

– О, да моя Сисси, просто чудо! – расплылся в улыбке Франц-Иосиф.

– Ты, по-прежнему, принципиальный «жаворонок» и просыпаешься с первыми петухами?

– О, да, мой брат, Николай! Я рано ложусь и рано встаю, много молюсь, и все это ради моей любимой Австрии!

– Молиться никогда не помешает. – кивнул ему Николай Первый, – Я ради моей России готов пойти и не на такие тяготы. Но давай поговорим о делах скорбных, делах политических!

Лицо австрийского императора сразу потускнело, так как от этого разговора он не ожидал для себя ничего хорошего.

Так оно и случилось. Николай Первый, памятуя о неоплаченном долге австрийской короны перед российской, буквально брал своего венценосного собрата за грудки. Франц-Иосиф вяло отбивался и старался отделаться общими фразами, ничего конкретного не обещая.

– Да, я помню, о том, кому обязан своей короной, но я не желал ради вашей ссоры с турками ввязываться в неприятности с Наполеоном. С Вены хватало не слишком приятных воспоминаний о временах его дядюшки! – заявил он, когда Николай уже припер его к стенке. – Что касается не менее воинственного племянника, то он уже примеряется откусить от нас кусок Италии, и я опасаюсь, лишний раз, его задрать!

– Но дружественный нейтралитет ты мне гарантируешь? – не отставал Николай.

– Гарантирую! – жалобно выдавил Франц-Иосиф. – Только не дружественный, а строгий!

– Перо и бумагу! – крикнул Николай Первый. – Да позовите наших министров, будем составлять бумаги!

Последствием совещаний императоров и их министров была сообщенная австрийским правительством Франции, Англии и Пруссии, нота, на основании которой иностранные резиденты в Константинополе должны были сообщить Порте, что дворы их убедились личным уве-

рением российского императора в том, что принятие без изменений венской ноты не оскорбляет достоинства Порты.

– С поганой овцы, хоть шерсти клок! – подвел итог своим переговорам с австрийским императором император российский.

Но Франц-Иосиф рано радовался, что Николай от него отстал. Уезжая из Ольмюца, царь пригласил своего собрата к себе в Варшаву, причем в таком тоне, что отказаться Франц-Иосиф не посмел.

Министру иностранных дел Буолю-Шауенштейну австрийский император с горечью признавался:

– Милый Карл, русский царь выкручивает мне руки, как заправский палач. Прямо не знаю, сколько еще выдержу его пытки!

– О, ваше величество! – сочувствовал ему министр. – Уповаю только на вашу стойкость и мужество, за вами империя Габсбургов!

После поездки в Ольмюц, Николай пригласил Франца-Иосифа и прусского короля Фридрих-Вильгельма Четвертого к себе в Варшаву. Там уже пришлось не сладко королю прусскому. Покровитель искусств, набожный и тихий Фридрих-Вильгельм вызвал подозрение у собеседников своими странными ответами и неадекватным поведением.

– Король Пруссии явно не в себе! – отметил австрийский император.

– Боюсь быть пророком, но как мне кажется у бедного Фридриха явная шизофрения! – делился своими впечатлениями с Нессельроде Николай Первый.

Как бы то ни было, но и здравый император Австрии, и не очень здравый король Пруссии заверили Николая в своем дружеском нейтралитете и личной братской любви, но не больше. Чтобы дожать прусского короля Николай, несколько дней спустя, поехал к нему в Сан-Суси. Увы, сколько не старался Николай, за Фридриха-Вильгельма все решали его министры, а те были не только в здравом уме, но и вели собственные политические игры. В результате, несмотря на все наши потуги, берлинский кабинет уклонился от подписания ольмюцской ноты.

20 октября французский и английский резиденты в Константинополе, на основании полученных ими инструкций, предписали стоявшему в заливе Бешике флоту прибыть в Босфор, что и было исполнено 8 ноября. Это была не только демонстрация силы, это был вызов.

В Париже и Лондоне известие о движении русских войск вызвало очень сильное раздражение.

– Это посягательство на целостность владений Оттоманской Порты! – кричали в те дни европейские газеты.

При этом все сразу напрочь забыли то, что подобные меры неоднократно были принимаемы в прежние времена другими державами. Так, например, в войну за независимость Греции, французы заняли Морею, а союзный флот трех держав истребил морские силы Турции, хотя ни одна из них не была в войне с Портою. В 1830 году, Франция и Англия приструнили голландского короля, и отделили от него Бельгию. Тут же поднялся шум вселенский! Ах, Россия, ах агрессор! Что касается Наполеона III, мечтавшего заставить парижан забыть расстрелы мирных демонстраций, то он буквально бредил разгечь маленькую и победоносную войну.

Несмотря на это, что министерство лорда Эбердина старалось сохранить мир с Россией, так как особых противоречий у Петербурга и Лондона на тот момент не было. Однако Наполеон рассчитывал на известного русофоба английский посол в Константинополе Стратфорда-Редклифа. И он не просчитался, Стратфорд оправдал его самые смелые надежды.

– Занятием княжеств царь Николай желает разрушить Османскую империю! Министр иностранных дел Великобритании лорд Кларендон немедленно вызвал к себе российского посла Бруннова.

– Я не буду скрывать от вас нашу озабоченность происходящим. Однако, королева Виктория рада, что ее дружеские отношения с русским двором становятся все теснее!

И Бруннов поддался на эту наивную уловку. В Петербург он тут же отписал, что, хотя англичане и возмущены нашим вступлением в Валахию, никаких конкретных шагов они предпринимать не будут, доказательством тому отсутствие английского флота у Дарданелл!

Лондон действительно медлил подождать свои корабли к теснинам Геллеспонта, но это был только очередной тактический ход, еще больше запутывающий политическую интригу. В бухте Безик, что у входа в Дарданеллы стояла пока только французская эскадра. Английское адмиралтейство лишь передвинуло фигуры на шахматной доске большой политики – английский флот, базировавшийся на Портсмут, покинул базу и перешел в Гибралтар. Так опытный мастер скрытой от посторонних глаз рокировкой, готовит решающую атаку. Доверчивый Бруннов не знал, что к этому времени уже было подписано секретное англо-французское соглашение об их совместном действии в восточном вопросе. Премьер-министр Эбердин уже объявил свое решение:

– Если только русские посмеют войти в придунайские княжества, мы немедленно переместим наш флот к Дарданеллам!

В те дни в банках лондонского Сити, не без основания говорили:

– Мы примирились бы с завоеванием русскими Турции, если бы не русский тариф и изгнание наших товаров с Левантских рынков! Мы боимся не русских солдат, а русских таможенников!

Тем временем император Наполеон III вызвал к себе фельдмаршала Сент-Арно.

Первому он велел готовиться принять командование армией в предполагаемой русской компании:

– Настала пора посчитаться за 1812 год и унижения моего великого дядюшки! Вас я избираю главным мстителем!

Карл Фердинанд фон Буоль-Шауенштейн

Наш посол в Париже генерал Киселев встретился с министром иностранных дел Друэном де Люисом. Тот пригласил Киселева на дружеское и сердечное собеседование. Он полностью переигрывает старого генерала. Николай Дмитриевич выходит из дворца министерства иностранных дел в самом радужном настроении духа и немедленно пишет в Петербург о счастливой перемене в настроениях французского правительства. Он пишет в Петербург: «В свидании, которое я имел вчера с Друэном, он держал речи самые мягкие, самые мирные, самые примирительные, какие только возможно Друэн сообщил, что сам император Наполеон III жаждет горячо, даже пылко сохранения мира и сделает все от него зависящее, чтобы добиться этой цели. Ни за что по своей инициативе он не вмешается в русско-турецкую распрю, а делает это разве только, если сам султан призовет его и Англию на помощь в случае прямой угрозы целостности Турции. Правда, английский и французский флоты получили приказ при-

близиться к Дарданеллам, но это ничего не значит. Просто это предосторожность на всякий случай...» Французы буквально заманивают наших в Дунайские княжества. Как это можно не видеть? Два огромных флота собираются для прорыва в Черное море и это «ничего не значит»!

Впрочем, Киселев быстро опомнился и уже 9 июня отписал царю, что Наполеон давит на Австрию, грозя восстанием в Ломбардии, вооружая ее против России. Мало кто знает, что в этом деле сыграл свою гнусную роль старый подлец и развратник голландский посол Геккерн. Да, да, тот самый Геккерн, который в 1937 году спровоцировал убийство Пушкина! Изгнанный из России, он стал послом в Вене и теперь всю интриговал против Петербурга, мстя за старые обиды. Из Парижа ему активно помогал «приемный сын» убийца Пушкина Дантес, уже влиятельный сенатор! Не все у Геккерна получалось. Франц-Иосиф был недоверчив, но свою каплю яда Геккерн все же влил.

В те дни старый лис Меттерних, пребывающий уже не у дел, но все еще влиятельный, говорил министру иностранных дел графу Буолю:

– Я не верю в то, что царь Николай хочет большой войны, речь идет лишь о запугивании! Политика России относительно Порты, носит характер минной системы – обрушить здание и превратить его обломки, из которых забрать себе все лучшее!

– А как вы оцениваете демарш Меншикова? – спрашивал Буоль.

– Скажу честно, я ни черта не понял, ни в приезде, ни в отъезде Меншикова из Константинополя. Я ненавижу ребусы, загадки и шарады? Если для ведения войны назначают опытных генералов, то почему царь назначил Меншикова – дилетанта в дипломатии? Если царь стремился к разрыву с Портой, зачем было вообще начинать переговоры?

Стараясь заручиться поддержкой Австрии Николай ей шесть армейских корпусов, если на нее посмеет напасть Италия и половину Балкан, если рухнет Турция. Посулы были очень заманчивы, но Вена боялась Париж.

Петр Мейендорф, русский посол в Вене, «человек, звезд с неба не хватавший, но неглупый и порой не лишенный проницательности» (выражение академика Е. Тарле) давно уже понимал, что Меншиков играет с огнем.

В узком кругу он сетовал:

– Меншиков, конечно, самый остроумный человек в России, но ум отрицательный, а характер сомнительный! Как плохо обслуживаются государи! Когда они дают мало обдуманый приказ, всегда находится кто-нибудь, чтобы его исполнить, но когда нужно угадать их намерения и взять на себя ответственность – никто не хочет действовать!

Мейендорф получает аудиенцию у Франца-Иосифа, затем беседует с Буолем. Впечатление у него самые неутешительные. В итальянских провинциях Австрии неспокойно, в Пьемонте, который может отнять эти провинции у Австрии, тоже не все ладно. Сепаратистов поддерживает Наполеон III и Вена его откровенно боится. О какой солидарности с Россией здесь можно говорить!

В самом конце июня в Лондон прибыл брат короля Пруссии Фридриха- Вильгельма IV принц прусский Вильгельм. Если король к России лоялен, то принц известный русофоб. Нашему послу Бруннову он обещает прусский нейтралитет, но будет ли этот нейтралитет дружественным?

Что касается императора Николая Первого, то он требовал от Константинополя немедленного нового мирного договора с Россией и признания независимости Валахии, Молдавии и Сербии.

– Образ предстоящей войны будет особый! – говорил император графу Орлову. – Ежели мы объявим независимость дунайских княжеств, то тем дадим знак к постепенному отпадению христианских провинций Оттоманской Порты. Но это пока только моя мысль, а не решимость!

О святых местах и ключах от храма уже давно никто и не вспоминал...

* * *

Внешней политикой России в ту пору правил канцлер Карл Роберт Нессельроде. Канцлер разводил цветы, коллекционировал камелии и знал толк в еде. Будучи маленького роста, он ненавидел высоких и презирал тех, кто был лишен аппетита, зато обожал дамское общество и любил дремать в театре под звуки музыки. Это о нем писал великий Тютчев:

*Нет, карлик мой! Трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душой маловойной
Не соблазнишь Святую Русь...*

Никто из историков никогда не говорил ничего хорошего об этом человеке. И это справедливо, ибо Нессельроде почти никогда не имел своего голоса. Канцлер был лишь тенью императора Николая. Но почему «почти»? Дело в том, что один раз Нессельроде все же сказал свое слово. Канцлер был категорически против столкновения с Европой и не побоялся отстаивать свою позицию перед императором, хотя и не слишком успешно.

Едва стали известны результаты поездки Меншикова, Нессельроде решил воздействовать на Николая другим путем. В первый же вечер он приехал прямо домой к любимцу императора генерал-адъютанту Орлову. Тот был несказанно удивлен появлению у себя канцлера, с которым никогда не были близок.

– Сейчас не время личных симпатий! – заявил Нессельроде, войдя в кабинет хозяина. – Нам следует с вами поговорить!

Запершись в кабинете, они пробеседовали более двух часов. Все это время Орлов непрерывно курил. А Нессельроде, отмахиваясь от клубов дыма,

убеждал всеильного генерал-адъютанта воздействовать своим авторитетом на императора и немедленно убрать армию с Дуная.

Карл Нессельроде

– Мы, несомненно, одолеем Турцию, но мы столь же, несомненно, потерпим крах в столкновении со всей Европой. Как человек военный, вы это должны понимать лучше меня. Исходя из этого, лучше сейчас пойти на некоторые ничего не значащие уступки, чем потом платить за ошибки землей и кровью! Союз Парижа и Лондона не может длиться долго и когда он треснет, мы спокойно без всяких осложнений свое получим!

Наконец Орлов отложил в сторону трубку и сказал:

– Вы меня полностью убедили. Теперь и мне совершенно очевидно, что война с Англией и Францией – заведомое поражение! Даю вам слово, что сделаю все от меня зависящее, чтобы уговорить его величество смягчить наши условия туркам!

Проводив канцлера, Орлов вызвал карету и отправился в Мариинку, где император Николай в тот вечер слушал оперу. В антракте генерал-адъютант завел с Николаем разговор о Турции и, пустив в ход все аргументы Ниссельроде, в четверть часа убедил собеседника в своей правоте.

– И ты, и канцлер говорите одно и то же! – в раздумье покрутил ус Николай. – И это приводит меня к мысли о необходимости некоторых уступок. Император обернулся к дежурному адъютанту:

– Отправляйся к Ниссельроде, и передай ему: пусть подготовит свои предложения и завтра поутру прибудет на доклад!

После этого Николай Первый отправился дослушивать оперу, а Орлов с чувством исполненного долга поехал к себе домой.

В ту ночь жены чиновников министерства иностранных дел так и не дождались своих мужей дома. Всю ночь в окнах МИДа на Певческом мосту горел свет. Там сочиняли бумаги, круто менявшие политический курс России. Утром канцлер с пачкой документов уже сидел в приемной Николая Первого. Когда из императорского кабинета вышел Орлов. Лицо генерал-адъютанта было белее полотна, а рот перекошен.

– Что такое, Александр Федорович, уж не плохо ли вам? – взволновался Ниссельроде.

– Скоро будет плохо нам всем! – желчно скривился тот. – Государь снова переменял мнение и решил воевать Константинополь!

– Майн Гот! – только и всхлипнул «глава партии мира». – Это крушение всех моих планов!

Оставалась, впрочем, еще иллюзорная надежда на то, что турки не осмелятся бросить вызов России, а англичане с французами ограничатся лишь политическими декларациями. Впрочем, в то и другое никто уже особо не верил, слишком уж все далеко зашло к этому времени.

Уже в сентябре 1853 года граф Адлерберг писал князю Меншикову: «По всем известиям, разрыв с Турцией неизбежен, и можно даже ожидать скорого открытия военных действий. Посему необходимо ныне же решить вопрос: как в таком случае употребить Черноморский флот в нынешнюю осень и наступающую зиму?»

Граф сообщал, что Николай хочет знать мнение по этому поводу начальника Главного морского штаба, добавляя от себя, что «со своей стороны государь император полагает, что более всего пользы можно извлечь из нашего флота учреждением крейсерства перед устьем Босфора и вдоль тех берегов Черного моря, где преимущественно турки могли бы пользоваться выгодами морского сообщения во вред нам».

Целью действий определялось прекращение подвоза запасов, оружия и войск из Константинополя в Варну, Батум и другие порты Турции, а также усиление крейсерства около нашего берега. Однако при этом, Граф Адлерберг писал об особой оговорке императора, гласящей, что данный вариант действий допускался «лишь в том предположении, что флоты других морских держав ограничатся наблюдением входа в Босфор около Константинополя и не войдут сами в Черное море».

Письмо графа Адлерберга заканчивалось уведомлением, что «Его Величество не позволяет себе положительного мнения в деле морском, недостаточно ему знакомом», и что поэтому государь желает, чтобы князь Меншиков представил «свое мнение с полной откровенностью, нисколько не стесняясь изложенными здесь высочайшими указаниями».

Увы, бывший кавалерист Меншиков тоже не мог похвастать, что морское дело ему знакомо в совершенстве. Впрочем, князь поступил вполне разумно, велел составить ответ вице-адмиралу Корнилову.

Начальник штаба Черноморского флота долго себя ждать не заставил. Все было им выстрадано и обдуманно уже давным-давно. Через несколько дней он отдал Меншикову свою записку. В ней Корнилов признавал, что осеннее и зимнее крейсерство в Черном море – дело достаточно затруднительное, а около Босфора даже опасное и при всем этом еще и мало эффективное, так как парусные суда в ненастье попросту не смогут, в отличие от пароходов, держаться возле берега. Поэтому Корнилов предполагал избрать другой путь пресечь выходы в море турецкого флота – занять на европейском и азиатском берегу несколько портов, как наблюдательные посты и пункты перехвата, расположив там корабельные отряды. Наиболее подходящими для этого портами Корнилов считал на западном берегу моря – Сизополь, а на южном – Синоп. Князю Меншикову он обосновывал это так:

– Оба эти пункта находятся на пути движения турецкого флота к театрам военных действий, а потому весьма удобны к удержанию их малыми силами от покушений с сухого пути, а, кроме того, могут вместить на зиму наш значительный флот.

Меншиков, слушая вице-адмирала, кивал головой:

– Я полностью разделяю ваше мнение о неудобстве зимнего крейсерства и нахожу его бесполезным и разорительным для судов. Однако с занятием Сизополя и Синопа торопиться не будем, так как это неминуемо вызовет международные осложнения с Лондоном и Парижем!

9 октября Николай Первый в письме к князю Меншикову вновь затронул вопрос о роли Черноморского флота. Император вновь запрашивал князя о том, что намерены предпринять черноморцы. Обрисовал Николай в письме и не простую международную ситуацию.

«Хотя нам здесь еще неизвестно, – писал он, – часть ли только или весь флот английский и французский вошли в Босфор, но в Лондоне были уже угрозы войти в Черное море и прикрывать турецкие гавани, на что Бруннов очень хорошо возразил, что это все равно, что объявление нам войны». Этим Бруннов «напугал», как он сам писал, англичан, которые объявили, что «доколь мы не атакуем турецких портов, то их флот не войдет в Черное море». Со своей стороны, Николай велел послу Бруннову сообщить лондонскому кабинету, что со своей стороны он примет всякое появление военных судов западных держав в Черном море за открыто враждебный поступок против России и ответит таковым же.

Что касается задач Черноморского флота, то император требовал от Меншикова после объявления войны наносить туркам возможный вред, забирая отдельные суда, пересекая все их сообщения вдоль берега и даже бомбардируя Кюстенджи, Варну или какой-либо другой пункт. В случае встречи с англичанами и французами «не на своем месте вместе с турками» действовать против тех и других, как против врагов. «Ежели же турки выйдут со своим флотом и захотят зимовать где-либо вне Босфора, – писал император, – то позволить им исполнить «эту глупость, а потом задать им Чесму». Именно эта фраза Николая Первого стала прологом многих последующих событий осени 1853 года на Черном море.

Американская карикатура «Пустая тарелка». У английского льва нож с надписью «Расчленение Турции». Индейка-Турция заглядывает с улицы: «До чего же грустны! А я ни на что не жалуюсь!».

Князь Меншиков, как всегда, был категоричен:

– Я отказываюсь допустить возможность выхода турок в море в столь позднее время года, а также занятие им позиции к северу от Варны у мыса Кальякр или в Бургасском заливе. Тем не менее, мы должны произвести рекогносцировку румелийского берега и в случае отыскания неприятеля действовать, смотря по обстоятельствам. Как это ни прискорбно, но действия нашего флота должны подчиняться поведению Англии и Франции, так как с превосходящими силами союзников силами столкнуться было бы неосторожно. Меня тоже смущает вся неопределенность нашего политического положения, а потому я опасаюсь, чтобы действия на Черном море не помешали ведению мирных переговоров.

В те дни былая успокоенность барон Бруннова относительно мирного исхода политического кризиса, сменилась на настоящую панику. Петербург Бруннов теперь бомбардировал своими письмами. Больше всего тревоги вызывал дирижер британской политики в Константинополе лорд Стрэтфорд, который очень нервно реагировал на каждое движение Черноморского флота. Когда же Бруннов узнал о перевозке флотом целой дивизии, то впал в проstration. Дело дошло до того, что приводить в чувство не в меру впечатлительного посла пришлось лидеру партии мира лорду Абердину. Подставив к носу Бруннова склянку с нашатырем, он как мог, ободрял несчастного.

– Вы должны радоваться, барон, что эта ваша операция закончилась до момента входа эскадр в Мраморное море. Если бы в Константинополе узнали, что ваш флот вышел в море с целым корпусом десанта, то могли бы подумать, что он имеет назначением Варну, Трапезунд, Батум, и только Бог знает, чем все это могло бы кончиться!

– О, я несчастный! – отвечал Бруннов, придя в себя. – Как бы все это не закончилось моей отставкой!

Что мог ему ответить лорд Абердин, сам уже выброшенный на обочину большой политики?

Когда из Берлина пришли в Париж известия, что 4-й русский корпус идет к границе Молдавии, британское адмиралтейство послало приказ Стоящему у Мальты вице-адмиралу Дондасу идти в Архипелаг, но не входить в Дарданеллы. Другой приказ повелевал Дондасу отныне находиться в распоряжении британского посла в Константинополе лорда Стрэтфорда-Рэдклифа, на случай нападения русских на турецкую столицу. Появление союзной эскадры в бухте Безика у входа в Дарданелльский пролив говорило о том, что Лондон и Париж встревожены.

У входа в Дарданеллы к этому времени собрался уже почти весь британский Средиземноморской флот. Командующий вице-адмирал Джон Дундас держал свой флаг на 120-пушечной

«Британии». Рядом слегка покачивался на пологих волнах «сисершип» «Британии» «Трафальгар» капитана Гренвилла. Немного поодаль стояли на якорях еще ни разу не опробованные в боях новейшие винтовые «Роял Албен», «Агагемнон», «Ганнибал» и «Принцесса Роял». Густо дымил всеми четырьмя трубами лучший в мире пароходо-фрегат «Террибл» (что значит «Ужасный»!) – две 400-сильные машины и более двадцати пушек, восемь из коих 68-фунтовые бомбические! Дальше в туманной дымке угадывались очертания еще десятка линейных кораблей и фрегатов.

Несколько поодаль расположился и французский флот, спешно переброшенный из Тулона: 120-пушечный «Вилле де Париж» – флагман вицеадмирала Лассюса, 120-пушечный «Валми» и «Фридланд», 90-пушечные «Юпитер», «Иена», «Байярд» и «Наполеон» и другие. Почти половина из них тоже винтовые. Такой армады Дарданеллы еще никогда не видели.

Несмотря на все заверения во взаимной дружбе и любви, союзники держались все же врознь, приглядываясь друг к другу. Англичане выказывали нарочитое презрение к своим соседям, демонстрируя при всяком удобном случае отличную морскую выучку и слаженность команд. Французы в ответ бравировали своим равнодушием к демонстрируемым англичанами достижениям, чем весьма обижали гордых бриттов.

Параллельно с официальной дипломатической войной в Европе кипела и другая война – журналистская. Ставки здесь были тоже очень высоки – общественное мнение! Еще, начиная с 1837 года, подкуп парижских газет регулярно осуществлял по заданию III Отделения граф Яков Толстой, давно обосновавшийся во Франции. Кроме этого, в мае 1853 г. Наш посол во Франции генерал Киселев сообщал Нессельроде, что сам помещает – под чужим именем – прорусские статьи в парижской печати. Для «Обработки» германской и французской прессы отправился летом 1853 года в Берлин и Париж дипломат и поэт Федор Тютчев. Однако все старания мало, что давали. Битву за умы читателей мы проигрывали по всем статьям. Россия заранее была объявлена врагом цивилизованной Европы, и паскудить ее было не только модно, но и выгодно, так как за это хорошо платили. Из донесения графа Якова Толстого: «Пресса вынуждена или воздерживаться, или брать сторону турок. Это молчание обязательно не только для газет. Ни одна брошюра не смеет касаться турецкого вопроса, и вообще запрещено печатать что-либо противное политической линии, принятой правительством». Это так, к слову о традиционной европейской демократии...

В России в те дни по рукам ходила лубочная карикатура на Наполеона Третьего. Кривоногий карлик с огромными усами, и саблей, потрясал кулаками перед перепуганным французам. За спинами обывателей теснились здоровенные гренадеры со злобными рожами. Надпись под рисунком гласила: «Французы! Империя есть мир, а подтверждение этой истины... позади вас... До свиданья! Да здравствует Наполеон!»

Такие же лубочные картинки рисовали в канун 1812 года, когда к России примеривался дядя нынешнего императора.

* * *

Итак, жребий был брошен! По замыслу императора Николая занятие русской армией вассальных Турции княжеств должно было заставить строптивый Константинополь подписать все выдвинутые ему требования. Армия должна была занять вассальные Турции Молдавское и Валахское княжество, но Дуная, отделявшего от них границы непосредственно самой Турции не переходить. Отмобилизованные 4-й и 5-й корпуса, дружно двинулись к границе Валахии и Молдавии под командой генерал-адъютанта Горчакова. Еще один – 3-й корпус был передвинут ближе к южным границам империи в Волынскую и Подольскую губернии. В Севастополь прибыла 13-я пехотная дивизия, которая должна была стать основой десантного отряда, на случай наступательных действий против турок.

Выбор командующего действующей армии был не слишком удачным. Князь Горчаков, будучи прекрасно эрудированным, лично храбрым и даже поэтом в душе, к старости стал излишне суетливым, забывчивым, рассеянным и поэтому при всех своих высоких качествах для должности командующего был абсолютно не годен.

Напутствуя своих генералов, Горчаков высказал им свою стратегию:

– Увидев, что мы не переходим Дунай, турки, может быть, потеряют терпение и сами перейдут на нашу сторону. В этом случае с Божией помощью я надеюсь их побить, и тогда уж вся дурь у них спадет!

Форсировав Прут, передовые части форсированным маршем пошли на Бухарест. Валахские граничары-пограничники безмолвно пропустили мимо себя русские полки. Главные силы шли тремя колоннами, Правая под началом генерал-лейтенанта Липранди, средняя – генерала от инфантерии Данненберга и левая – графа Нирода. Впереди армии конный авангард графа Анреп-Эльмпта. Граф имел приказ как можно быстрее достичь Бухареста. Задачу он выполнил, преодолев 350 верст за 12 дней. Из Измаила вверх по Дунаю одновременно двинулась и речная флотилия контр-адмирала Мессера, в составе трех десятков канонерок и двух вооруженных пароходов. Мессеру была поставлена задача – взять под наблюдение среднее течение Дуная.

По мере продвижения наших войск по Молдавии и Валахии к ним присоединились местные конные полицейские-доробанцы и валахские солдаты. Впрочем, толку от этого разношерстного воинства было немного. Поэтому наши относились к ним по принципу: не мешают, и за то спасибо! В городках и селах казаки вывешивали прокламации, в которой говорилось, что приход русской армии временных и направлен против турок, законы, налоги меняться не будут, а снабжение армии будет хорошо оплачиваться.

Движение армии напоминало торжественное шествие. Несмотря на жару и большие переходы, солдаты были бодр и веселы. Население радостно встречало войска и охотно давало жилье на постой. В столице Молдавии Яссах Горчакова встречали колокольным звоном. Молдавский господарь князь Гика выехал навстречу в русском генеральском мундире и со сбритой по этому случаю бородой. В Бухаресте армию встречали господарь Стирбей и местный митрополит.

Однако если крестьянство искренне радовалось приходу русских, видя в них своих заступников против турок, то местные бояре, вынужденные молчать при виде русской мощи, относились к нашим с затаенной ненавистью, мечтая об отторжении от России Бессарабии, и восстановлении осколка древнего Рима – великой Дакии.

Заняв Молдавию и Валахию, армия выставила вдоль дунайских берегов усиленные пикеты, а на удобных для переправы участках усиленные отряды. С правой стороны Дуная турки, в свою очередь, усилили свои пикеты, поставили пушки. Подтягивалась к Дунаю и турецкая армия. Наши рвались в бой, но были вынуждены ждать, когда на них нападут. Началось многомесячное молчаливое противостояние, разрешить которое могли только политики.

В этой ситуации проявилась вся суетливость Горчакова. Старику всюду виделись турецкие десанты через реку, и он изводил командиров отрядов приказами о перемещениях. Выручало лишь то, что приказы сыпались на головы отрядных начальников, что они не успевали исполнять предыдущие, а потому оставались стоять на старых местах. Особенно докучал непрерывными инструкциями Горчаков, прикрывавшему Малую Валахию у Калафата, генералу Фишбаху. И без того трусоватый Фишбах был так запутан княжескими письмами, что, вообще, перестав что-либо понимать, только молился, чтобы ничего не случилось.

Из воспоминаний полковника Менькова: «На расстоянии 500 верст, без знания местных обстоятельств, по карте, выбираются позиции, приискиваются случайности, в которые может быть поставлен отряд, и приписывается отряду действовать так или иначе... и где в заключение всего говорится: «Я вам ни того не разрешаю, ни того не запрещаю; действуйте по обстоятель-

ствам, но помните, что, в случае неудачи, вы виноваты!» При таком отношении и решительные начальники начинали сомневаться в себе, что же было говорить о нерешительных!

При этом больше всех мучился сам честный Горчаков, поставленный Петербургом в фальшивое положение. Помимо этого, из Варшавы слал свои советы Горчакову влиятельнейший любимец императора фельдмаршал Паскевич, игнорировать которого Горчаков тоже боялся. При этом, если император Николай мечтал о восстании в Турции христиан и одновременному маршу нашей армии на Константинополь, то осторожный Паскевич не рекомендовал даже переходить Дунай. Фельдмаршал полагал, что надо лишь отбивать все попытки турок перейти Дунай. Идти через Балканы в сложившейся ситуации было, по его мнению, самоубийственно, так как дойди мы даже до Адрианополя, далее нас никогда не пустили бы англичане с французами. В оборонительной же позиции мы могли, по мнению Паскевича, держаться сколько угодно, выжидая изменения политического расклада в Европе.

– Вместо того чтобы, как следует, подготовиться и встретить врага единой массой, я вынужден дробить армию на десятки отрядов, чтобы всюду показать наше присутствие и всюду пугать турок! – в сердцах говорил князь начальнику своего штаба генералу Коцебу. – Но кого могут испугать несколько казачьих сотен, скачущих вдоль берега? Это самообман! А я заложник ситуации!

А затем произошло то, что должно было рано или поздно произойти. Сосредоточив войска у Видино, турки начали переправу через Дунай на большой остров посреди реки напротив валахского Калафата. Вконец растерявшийся Фишбах, причитая, метался по берегу, не зная, что ему делать. Он слал письма Горчакову. Тот отвечал многостраничными инструкциями, в которых первая часть противоречива второй. Пока продолжалась эта переписка, турки заняли, а потом и укрепили остров, после чего начали строить на него мост. Эта была пощечина! Несколько сотен турок на глазах огромной армии готовились к вторжению в Валахию, а армия безмолвно взирала на происходящее.

На этой почве у Горчакова начались нервные срывы и припадки. Князь то перевозбуждался, то наоборот, впала в протрацию. Здоровье командующего вызвало тревогу у Николая Первого. Однако император решил Горчакова пока не менять, полагая, что большой войны все же удастся избежать.

Шестая глава

Эскадры выходят в море

С начала кампании 1853 года Черноморский флот был приведен в боевую готовность. Уже 27 февраля в пятницу на масляной неделе в Севастополе было получено распоряжение о немедленном вооружении всех кораблей и судов.

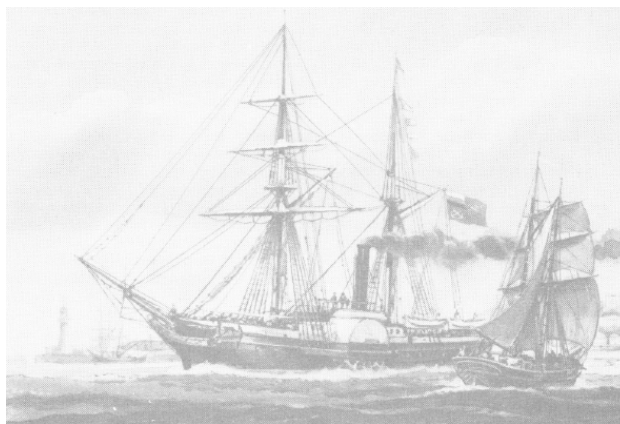
К предстоящей кампании линейные силы были вооружены новейшими бомбическими пушками. Эти пушки Черноморский флот получил вместе с заказанными в Англии пароходами. Затем наладили изготавливать бомбические орудия и на собственных заводах. На вооружении линейных кораблей бомбическими пушками особенно настаивал Корнилов. С его легкой руки их и начали устанавливать в нижних деках линейных кораблей. Однако большую часть корабельной артиллерии составляли 36-фунтовые пушки и коронады. Причем, если первые служили для стрельбы на дальние дистанции и их устанавливали на нижних палубах, то более короткие и легкие коронады, ставили в верхних деках для ближнего боя. К слову сказать, англичане признавали превосходство наших 36-фунтовых пушек над их 30-фунтовыми. На ближней дистанции эффективны были и 24-фунтовые пушки, стоявшие на открытых палубах. Важнейшим критерием при обучении артиллеристов в ту пору являлась быстрота заряжания и пальбы. Меткостью занимались меньше. Считалось, что на «пистолетных дистанциях опытные канониры попадут и так, впрочем, и прицелы все еще оставались весьма примитивными.

Русская эскадра на Севастопольском рейде. Художник И.К. Айвазовский

Если вначале на 1853 год предусматривались пароходные сообщения по всем старым пассажирским линиям, то потом жизнь внесла свои коррективы. Вначале разрыв дипломатических отношений с Турцией мало отразился на пароходных сообщениях, ибо на море господствовал Черноморский флот. Исключением явились заграничные линии, в частности линия Одесса- Константинополь, которая, естественно, была закрыта.

Уже 12 октября последовало указание начальника Главного морского штаба о вооружении и снабжении пароходо-фрегатом «Крым», «Одесса» и «Херсонес», с целью составить из них «пароходную эскадру» с нахождением ее на Одесском рейде. Однако фактически эти пароходо-фрегаты находились в Севастополе. «Крым» и «Одесса» стали иметь по два 254-мм бомбических и четыре 24-фунтовых орудия, а «Херсонес» – одно 254-мм бомбическое, одно 56-фунтовое и четыре 24-фунтовых орудия.

Пароходо-фрегат «Одесса» выходит в первый рейс 10 мая 1843 года. Художник Е.В.Войшвилло

Спустя каких-то две недели весь Черноморский флот был приведен в готовность и вышел на внешний рейд. Объехав все корабли, вице-адмирал Корнилов остался доволен и, уезжая с князем Меншиковым в Константинополь, мог без лукавства сказать:

– Мы готовы к любым событиям!

Вернувшись же обратно и понимая, что итоги княжеского посольства грозят серьезными осложнениями, Корнилов. На корабли спешно загрузили полугодовой запас провизии. По своей инициативе начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Корнилов решил оцепить корабельными отрядами все Черное море от Босфора до Кавказа.

Командиров кораблей, Корнилов перед выходом в море инструктировал лично:

– Основной целью вашего охранительного крейсерства является наблюдение за турецким флотом. Поскольку официального объявления войны между Турцией и нами еще нет, я запрещаю выходить на видимость турецких берегов, а также останавливать турецкие суда!

Командиры кораблей и судов переглядывались, не совсем понимая адмиральскую мысль.

Выдержав паузу, Корнилов продолжил:

– При встрече с турецким флотом, выказавшим намерение напасть на русский крейсер, начальство вполне надеется на Ваше благоразумие, и что при подобной встрече Вы поддержите достоинство русского флага, и вместе с тем прибегните к крайним средствам в неизбежных только обстоятельствах. Главная задача – извещение меня обо всех враждебных намерениях турок и появлении англичан или французов у Босфора! Теперь все ясно?

– Теперь ясно! – кивали головами капитаны и заспешили на свои суда. Основные силы Черноморского флота были в кампанию 1853 года разделены на две практические эскадры. При этом, если в прежние годы, эти эскадры должны были выходить в море для практических плаваний поочередно, то в летнюю кампанию 1853 года перед черноморцами стояли совсем иные задачи. На сей раз крейсерство предполагалось не практическое, а боевое!

Уже 15 мая Первая практическая эскадра под командованием вице-адмирала Нахимова в составе шести линейных кораблей и фрегата, приняв полный боезапас и провизию на четыре месяца, вытянулась на внешний Севастопольский рейд.

Вице-адмирал Корнилов, расстелив карту Черного моря, чиркал ее остро отточенным карандашом:

– Отныне Вы ответственны за западный сектор Черного моря! Вам, Павел Степанович, надлежит выйти в район между Севастополем и линией крейсеров, наблюдающих за Босфором. Держаться будете у пересечения параллели 44 градуса с восточным двухградусным меридианом. При получении известия о движении неприятельских судов действуйте сообразно обстановке и, стянув к себе дозорные суда, шлите известия в Николаев через Одессу или Севастополь с нарочным курьером!

– Что мне надлежит делать после отправки сего курьера? – уточнил Нахимов.

– Ожидать дальнейших повелений на высоте Херсонеса, а если обстановка будет угрожающая, то идти в Севастополь для соединения с остальным флотом!

В те дни в письме великому князю Константину Корнилов отмечал: «Для командования в важных экспедициях, но чисто военных, я бы полагал способными адмиралов Нахимова, Новосильского и Метлина. Из них Нахимов был воспитанником адмирала Лазарева и потому имеет большую опытность в устройстве, отделке судов и практическом кораблевождении...»

В те дни подъем энтузиазма на флоте был небывалый. Все горели желанием отличиться. Не обошлось, как часто бывает, без казуса. Командир линкора «Варна» капитан I ранга Семен Алексеев, к примеру, во время артиллерийского учения ввел любопытные новшества. Глядя на действия своих подчиненных, он время от времени командовал:

– Мичману Иванову оторвало голову, а батарейному Сидорову перебило обе ноги!

По этой вводной названные командиры лица тут же уносились санитарями в лазарет, а их место занимали другие. Так командир «Варны» старался отработать взаимозаменяемость. Идея была не плоха, но порой, войдя в роль, Алексеев неожиданно кричал:

– Санитары! Ко мне! Вот и меня ядром разорвало! Вместо меня теперь старший офицер!

– Куда же вас нести-то, ваше высокородие? – переминались с ноги на ногу санитары.

– Куда покойников носят! Несите к батюшке под образа!

Санитары бережно укладывали Алексеева на носилки и несли, как и положено покойника, ногами вперед. Однако командир «Варны», увидев по пути какой-то неурядок, тут же резво вскакивал с носилок и разносил виновных.

Уже через несколько дней по флоту пошел слух, что Алексеев сошел с ума, что у него на корабле мертвые воскресают. Кончилось тем, что командиру «Варны» велели всех окончательно «воскресить» и более уже не «убивать».

Корабль «Двенадцать апостолов». Художник И. К. Айвазовский

В первых числах июня в Севастополь стали поступать известия о новых вылазках банд Шамиля. В кавказских горах уже почуяли приближение большой войны и торопились не остаться в стороне от возможной добычи. Теперь вдоль турецкого берега к Кавказу ночами пробирались лайбы контрабандистов, набитые ружьями и порохом. В ответ на это Корнилов усилил крейсерство восточных берегов Черного моря. Отныне там находились уже два отряда судов. Южный отряд базировался на Сухум-Кале, северный – на Новороссийск. Возглавил оба отряда начальник береговой линии вицеадмирал Серебряков. Один из корветов при этом выделялся для особого крейсерства в районе Синопа.

Перед выходом в море эскадру посетил Корнилов. Осмотрев корабли, он особенно остался доволен артиллерией. По приказу Корнилова в воду сбрасывали бочки с флажтоками

и палили по ним, бочки разлетались в щепки, кидали новые и их тут же разбивали. Лучшим по стрельбе был признан «Двенадцать Апостолов» добившейся поразительной скорострельности. Из 68-фунтовых бомбических пушек он палил по два ядра в минуту, при этом из десятка ядер промахиваясь всего одним!

19 мая эскадра Нахимова вышла из Севастополя и направилась в назначенный район крейсирования. Пока политики обменивались последними письменными обвинениями, эскадра Нахимова заняла указанную ей позицию в западной части Черного моря. Как опытный гротмейстер, Нахимов четко расставил свои фигуры на огромной доске предстоящей войны.

У самого Босфора он расположил наиболее быстрый бриг «Язон» и фрегат «Кулевчи». Несколько поодаль на пределе видимости был поставлен бриг «Птолемей» (его при надобности усиливал фрегат «Коварна»). Несколько выше у европейского берега крейсировал бриг "Эней. Дозорные суда должны были контролировать выход из Босфора, но так, чтобы самим оставаться невидимыми с берега. Связь между дозорными судами и главными силами эскадры осуществлял фрегат "Коварна". Особый отряд был выслан на юг в сторону Синопа для контроля Анатолийского побережья.

Сразу же по выходу начали отрабатывать взаимное маневрирование. Действием командиров Нахимов был не доволен. Особенно доставалось от него кораблю «Святослав», на котором держал флаг младший флагман контрадмирал Юхарин.

Когда команды подтянулись, и командиры обрели уверенность, вице-адмирал провел учебный бой, который стал генеральной репетицией в преддверие грядущих событий. Линейный корабль «Гавриилу» было велено сражаться с линейным кораблем «Селафаил» и фрегатом «Флора». Команды остальных кораблей наблюдали за происходящим.

После непродолжительного маневрирования, «Флора» оказалась на ветре «Гавриила», а «Селафаил», наоборот, под ветром. Командир «Селафаила» капитан 1 ранга Зорин приказал командиру «Флоры» Скоробогатову атаковать «Гавриил». Дважды Скоробогатову повторять было не надо. «Флора» круто положила руль к условному противнику и, спустившись, открыл огонь в левую скулу «Гавриила» так, что тот мог отвечать только несколькими носовыми пушками. Тогда командир «Гавриила» капитан 1 ранга Юрковский подвернул корабль и обратил против «Флоры», но из-за этого сблизился с «Селафаилом». Капитан 1 ранга Зорин от нетерпения сразу же сделал залп на восьми кабельтовых, на что получил сигнал Нахимова: «Ваши ядра и бомбы не достигают предмета». Тем временем командир «Гавриила» попробовал выйти из опасного положения, но неверно подвернул и подставил свою корму под огонь «Селафаила». На этом бой был завершён. Собрав на флагмане всех командиров, Нахимов подробно разобрал бой, отметил ошибки обеих сторон.

– Поражение потерпел «Гавриил», но ряд действий могли оказаться и для «Селафаила». Так что наука, будет-с обоим! От господ капитанов требую-с быстрее выполнять поворот оверштаг при общем маневрировании, для этого не задерживать долго передних парусов, а переносить их, как можно быстрее!

Линейные корабли «Селафаил» и «Уриил»

Когда на крейсирующую эскадру прибыл Меншиков, решивший, лично посмотреть флот в море, Нахимов провел еще один учебный бой, на этот раз уже всей эскадрой. Для этого он разделил ее на два отряда. Первым командовал контр-адмирал Юхарин, вторым – сам. Корабли Юхарина: «Святослав», «Варна» и «Селафаил» шли на ветре. В двух милях от нее под ветром «Двенадцать Апостолов», «Гавриил» и «Ягудиил». Не видя желания Юхарина атаковать, Нахимов взял инициативу на себя и поднял сигнал последовательно прорезать первым кораблем боевую линию противника, поразить оконечности двух передовых кораблей, а затем, повернув к концевому, разделаться с ним. При этом корабли должны были атаковать неприятеля с подветра, поставив его в два огня. Однако Юхарин заметил маневр, сбавил скорость и сомкнул линию. Тогда Нахимов, в свою очередь, воспользовался уменьшением скорости противника. Он изменил первоначальный план и приказал атаковать Юхарина «с наветра». Для этого флагманский «Двенадцать Апостолов» прошел контркурсом вдоль линии от головного до концевого корабля. Первым открыл огонь передовой корабль Юхарина, но слишком рано. Когда же флагман Нахимова оказался на траверзе «Святослава», то смог стрелять по нему почти без сопротивления. Когда дым рассеялся «Двенадцать Апостолов» шел уже на траверзе «Варны». Обстреляв «Варну», Нахимов тоже самое проделал с «Селафаилом». Затем обогнув отряд Юхарина с кормы, вице-адмирал открыл продольный огонь вдоль всей боевой линии Юхарина. Темвременем, следовавший за «Апостолами» «Гавриил», не смог вовремя повернуть и атаковать противника с кормы, тогда как «Ягудиил» в соответствии с планом сражения поразил «Селафаил» продольным огнем, но недолго, так как Юхарин отвернул кораблями в сторону. После этого последовал приказ прекратить огонь. Победа в учебном бою осталась за Нахимовым.

«120-пушечный корабль „Париж“» Художник И. К. Айвазовский

После Меншикова на эскадре Нахимова побывал Корнилов. Состоянием дел он остался доволен. Корнилов доносил 10 июня Меншикову: «Эскадру в. – ад. Нахимова из кораблей «Двенадцать Апостолов», «Гавриил», «Ягудиил», «Святослав», «Варна», «Селафаил», фрегата «Флора» и корвета «Калипсо» я встретил между Тарханкутом и Херсонесом на половине расстояния. По удостоверению г. Нахимова, которого я посетил, эскадра имеет все, нужное для военных действий; артиллерия в исправности, и при произведенной пальбе ядрами в бочку с флагштоком корабля палили особенно удачно. По моим собственным замечаниям, они в отношении к маневрам и управлению провели три недели в море с большою пользою. Ко всему этому следует присовокупить, что больных очень мало».

Спустя несколько дней на внешний рейд вышла и эскадра под флагом вицеадмирала Юрьева: линейные корабли «Три Святителя», «Париж», «Храбрый», «Чесма», «Уриил» и «Ростислав», фрегаты «Сизополь», «Кагул», и корвет «Пилад». Юрьеву было велено «принять провизию на четыре месяца и иметь все по военному положению, кроме пороха, дабы по первому требованию состоять в готовности выйти в море». Ежедневно на эскадре проводили артиллерийские ученья. Учились грузить и выгружать лошадей.

В это время неожиданно для многих пришло повеление Николая Первого обучать работе при орудиях Южной стороны матросов береговых команд. Распоряжение, прямо скажем, провидческое. Эх, если бы провидчески император мог вовремя осмыслить всю надвигающуюся войну и успеть ее предупредить!

В это же время агенты в Турции донесли, что турки начали готовить транспорта для перевозки оружия мятежным горцам. Узнав об этом, Корнилов вызвал к себе главного командира Севастопольского порта вице-адмирал Станюковича

– Михаил Николаевич! – сказал он ему. Немедленно усилие крейсерство кавказского берега!

– Каковы причины? – насупил брови и без того всегда суровый Станюкович.

– Турки готовят диверсию к черкесам!

– Предлагаю тогда, Владимир Алексеевич, для лучшего управления разделить наш кавказский отряд на два – Северный и Южный и обоим подчинить Серебрякову.

– Хорошо дайте мне ваши предложения по судовому составу! – кивнул Корнилов.

Вскоре суда кавказского отряда, ставшие отныне Северным отрядом, сместились к Новороссийску, а к южной части кавказского берега вышел вновь сформированный отряд контр-адмирала Синицына, включавший фрегат «Месемврия», корвет «Калипсо», бриг «Птолемей», шхуны «Смелая и Дротик» и два тендер «Скорый». Этот отряд получил наименование Южного, и должен был базироваться на Сухум-Кале. В командование обоими отрядами вступил начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков. Корвет «Калипсо» он тут же отправил на меридиан Синопа для связи с босфорскими крейсерами.

По плану Корнилова крейсерство в море должны были попеременно осуществлять эскадры Нахимова и Новосильского. Остававшаяся в Севастополе в полной готовности, эскадра Юрьева должен был обеспечить безопасность главной базы и быть готовой выйти навстречу турецкому флоту в случае начала войны.

* * *

Эскадра Нахимова держалась в море до полного истощения запасов воды до конца июня. «Наблюдая за Босфором, – писал один из современников, – эскадра крейсеров съела последний сухарь, тратя воду по порциям, пируя на одной солонине, сторожа денно и ночью неприятелей, не сбросивших еще своей личины, приготавливаясь к должному приему их упражнениями

боевыми, под зноем летнего черноморского солнца». В те дни на кораблях эскадры распевали кем-то сочиненную песню о турках-лиходеях. Едва боцманы свистали «команде песни петь и веселиться», как на «Двенадцати апостолах» заводили:

*Турки наши лиходеи,
Христианских души злодеи
За морем живут. Эх, живут!*

«Апостольских» песенников подхватывали на «Ягудииле» и «Варне»:

*Кораблей наших боятся,
Моряков наших страшатся:
В море не идут. Эх, не идут!*

И уже со всех кораблей и фрегатов эскадры неслоь:

*А у нас их поджидает,
Праздник им приготовляет
Черноморский флот.
Эх, Черноморский флот!
Долго ожидать не станет,
Паруса свои поставит —
На врага пойдет! Да и пойдет!*

Нахимов всегда любил вникать во все мелочи. Прогуливаясь по шканцам и глядя на обучение молодых матросов, он частенько сам брал на себя обязанности учителя.

Из воспоминаний современника:

«— Что за вздор-с, — говорил он (Нахимов — В.Ш.) офицерам: — Не учите их, как попугаев, пожалуйста, не мучьте и не пугайте их; не слова, а мысль им передавайте.

— Муха! — сказал Павел Степанович одному молодому матросу, имевшему глуповатое выражение лица, — чем разнится бомба от ядра?

Матрос дико посмотрел на адмирала, потом ворочал глазами во все стороны.

— Ты видал бомбу?

— Видал.

— Ну, зачем говорят, что она бомба, а не ядро? Матрос молчал.

— Ты знаешь, что такое булка?

— Знаю.

— И пирог знаешь, что такое?

— Знаю.

— Ну, вот тебе: булка — ядро, а пирог — бомба. Только в нее не сыр, а порох кладут. Ну что такое бомба?

— Ядро с порохом, — отвечал матрос.

— Дельно! Дельно! Довольно с тебя на первый раз».

Черноморский флот в Феодосии накануне Крымской войны. Живописец И.К. Айвазовский

Дозорная служба безоблачной не была. Периодически из пролива появлялись турецкие, а то и английские суда, которые имитировали обстрелы наших судов. Наши отвечали тем же и пока этим дело кончалось. Когда провокации стали учащаться, Нахимов произвел рокировку. Вперед к проливу он выдвинул уже более тяжелые фигуры – фрегаты, а бриги, наоборот, оттянул к главным силам.

Жизнь на крейсирующей эскадре шла своим чередом, авралы чередовались с учениями парусными и артиллерийскими, а нескончаемые вахты с редкими минутами отдыха. Это был свой особый мир, скрытый от взоров и понимания непосвященных. Чтобы разнообразить жизнь своих офицеров, а заодно преподать им уроки тактики, Нахимов ежедневно приглашал корабельных офицеров к себе на обед, причем предпочтение отдавал молодежи. Эти «нахимовские обеды» эти офицеры запомнили на всю оставшуюся жизнь.

Из рассказа лейтенанта В. Зарудного об обеде у адмирала Нахимова: «В этот день Павел Степанович пригласил к своему столу, по обыкновению, несколько офицеров. Командир фрегата постоянно обедал вместе с ним. Этот раз были приглашены Александр Александрович, вахтенный лейтенант, несколько мичманов, и я в том числе.

Когда мы вошли в каюту, то застали адмирала в веселом расположении духа: он смеялся, ходя взад и вперед по каюте, и тотчас же рассказал Александру Александровичу происшествие, которое его так развеселило. Дело было в том, что ютовой матрос сказал адмиралу какую-то добродушную грубость, отличавшуюся простонародной остротой. Жалею, что забыл содержание анекдота; мы невнимательно слушали Павла Степановича, потому что были заняты созерцанием стола с изящным убранством и гостеприимным содержанием.

– Сегодня арбуз будет, – сказал мне У. шепотом, толкая меня в бок.

Павел Степанович услышал его и быстро обратился к нам с вопросом: – Откуда взяли, что арбуз будет? Вы ошибаетесь, арбуза не привозили с берега.

– Я уже видел в шкафе, – ответил У., показывая рукой то направление, на котором, действительно, виднелся привлекательный предмет чрез полуоткрытые дверцы шкафа. Мы взглянули на него с особенной нежностью. Происшествие это огорчило Александра Александровича. Мичман У. служил при авральных работах на грот-марсе. Иногда при досадных для старшего офицера неудачах на грот-марсе Павел Степанович советовал старшему офицеру не давать мичману У. арбузов. И без того раздраженный Александр Александрович отвечал: какое мне до него дело, пусть себе ест, что хочет.

– Нет-с, нет-с, – говорил Павел Степанович; – вы не сердитесь, а согласитесь со мной, что мичману У. не следует давать арбузов-с: хуже этого для него нельзя ничего придумать.

С удовольствием сели мы за стол.

– Просматривал я газеты, полученные с последней почтой, – сказал Павел Степанович, садясь за стол. – Думал найти в фельетоне что-нибудь о новой книжке «Морского сборника». Нет ни слова, а как много пишут они пустяков! Споры ни на что не похожи-с; я был заинте-

ресован последним спором, захотел узнать, из чего они бьются, – как скучно ни было, прочел довольно много. Дело вот в чем-с. Один писатель ошибся, слово какое-то неверно написал-с; другой заметил ему это довольно колко, а тот вместо того, чтобы поблагодарить его за это, давай браниться! И пошла история недели на две; что ни почта, то все новая брань. Нет, право-с, эти литераторы непонятный народ-с, не худо бы назначить их хоть в крейсерство у кавказских берегов, месяцев на шесть, а там пусть пишут, что следует.

Все засмеялись, и Павел Степанович также.

– Да не досадно ли, право-с, – продолжал адмирал: – ведь вот хоть бы «Морской сборник», – радостное явление в литературе! Нужно же поддержать его, указывая на недостатки, исправляя слог не в специальных, а в маленьких литературных статьях. Наши стали бы лучше писать от этого-с.

– Как критиковать начнут, так и охота пропадет писать, – сказал один из мичманов хриплым голосом.

– Не то, не то вы говорите-с: критиковать – значит указывать на достоинства и недостатки литературного труда. Если бы я писал сам, то был бы очень рад, если бы меня исправлял кто-нибудь, а не пишу я потому, что достиг таких лет, когда гораздо приятнее читать то, что молодые пишут, чем самому соперничать с ними.

– У нас и без того хорошо пишут, – ответил тот же хриплый господин.

– Едва ли так-с. Мне, по крайней мере, кажется, что у нас чего-то недостает: сравните с другими журналами, увидите разницу, иначе и быть не может. Всякое дело идет лучше у того, кто посвятил на него всю свою жизнь. Что же хорошего в нашем журнале, когда он весь покрыт одной краской, когда не видишь в нем соотой доли того разнообразия, которое мы замечаем на службе? Я решился возразить Павлу Степановичу и заметил ему, что, по моему мнению, в специальном журнале все должно быть подведено под одну форму.

– Не в том дело-с, господин Корчагин (так именуется себя в рассказе Зарудный – В.Ш.), не о форме говорю я, а о содержании.

– Да и на службе все однообразно, здесь каждый день одно и то же делается.

– Неужели вы не видите-с между офицерами и матросами тысячу различных оттенков в характерах и темпераментах? Иногда особенности эти свойственны не одному лицу, а целой области, в которой он родился. Я уверен, что между двумя губерниями существует всегда разница в этом отношении, а между двумя областями и подавно. Очень любопытно наблюдать за этими различиями, а в нашей службе это легко: стоит только спрашивать всякого замечательного человека, какой он губернии: через несколько лет подобного упражнения откроется столько нового и замечательного в нашей службе, что она покажется в другом виде.

Мысль эта необыкновенно поразила меня. В первый раз я услышал ее от Павла Степановича, и с тех пор она не выходила из моей головы. Наблюдения над людьми, в особенности, когда они спорят; исследование нрава человека, с которым мы сами приведены в столкновение, – очень любопытны. Преодолевая порывы собственного негодования, и отстраняя влияние пристрастия, можно упражнять наблюдательные способности свои, – тогда, не допуская помрачения ума, случающегося в минуту вспыльчивости, можно с удивительной ясностью определить отличительные черты характера и темперамента людей. В этом отношении, действительно, каждая губерния и каждый человек должны иметь свою особенность, зависящую от климатических и других внешних условий, особенность, которую безбоязненно можно назвать оригинальностью. Павел Степанович Нахимов обладал в высшей степени подобною наблюдательною способностью, которая развивается житейской практикой, следовательно, нелегко приобретается.

Кроме того, Нахимов, как народный юморист, имел доступ ко всякому подчиненному; кто говорил с ним хоть один раз, тот его никогда не боялся и понимал все мысли его и желания. Такие качества составляют не простоту, понимаемую в смысле простодушия, а утонченность

ума и энергию светлой воли, направленных к известной цели. Этими обстоятельствами и объясняется очевидное могущественное влияние Нахимова на большие массы разнохарактерных людей. Как специалист и превосходный практик, он быстро достигал своей главной цели: приучить и приохотить подчиненных ему матросов и офицеров к военному морскому ремеслу.

Счастливым результатом куплен им ценою бесчисленных неприятностей и самых разнообразных огорчений, употребленных в пользу философией твердого ума, который не избегал, а искал неприятностей, когда ожидал от них хороших последствий. Подобные характеры, редкие по своей силе и настойчивости, развиваются не под влиянием надзора товарищей и нравоучений начальников, а, напротив, укрепляются под гнетом зависти и злобы первых и себялюбивых угнетенных последних. Ничто не в состоянии подавить творческую силу природы хорошо созданного человека, силу, которая подобно стальной пружине выпрямляется при малейшем облегчении.

Вот выгодная сторона службы на море, вот что развивает характеры многих моряков. Но та же причина убивает энергию молодых, не укрепившихся умов и дает им ложное направление в жизни.

– Мало того, что служба представится нам в другом виде, – продолжал Павел Степанович, – да сами-то мы совсем другое значение получим на службе, когда будем знать, как на кого нужно действовать. Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всеми и в видах поощрения бичевать всех без различия словами и линьками. Подобное однообразие в действиях начальника показывает, что у него нет ничего общего со всеми подчиненными, и что он совершенно не понимает своих соотечественников. А это очень важно. Представьте себе, что вдруг у нас на фрегате сменили бы меня и командира фрегата, а вместо нас назначили бы начальников англичан или французов, таких, одним словом, которые говорят, пожалуй, хорошо по-русски, но не жили никогда в России. Будь они и отличные моряки, а все ничего не выходило бы у них на судах; не умели бы действовать они на наших матросов, вооружили бы их против себя бесплодной строгостью или распустили бы их так, что ни на что не было бы похоже. Мы все были в корпусе; помните, как редко случалось, чтобы иностранные учителя ладили с нами; это хитрая вещь, причина ей в различии национальностей. Вот вся беда наша в том заключается, что многие молодые люди получают вредное направление от образования, понимаемого в ложном смысле. Это для нашей службы чистая гибель. Конечно, прекрасно говорить на иностранных языках, я против этого ни слова не возражаю и сам охотно занимался ими в свое время, да зачем же прельщаться до такой степени всем чуждым, чтобы своим пренебрегать. Некоторые так увлекаются ложным образованием, что никогда русских журналов не читают и хвастают этим; я это наверно знаю-с. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкают от всего русского, что глубоко презирают сближение со своими соотечественниками – простолюдинами. А вы думаете, что матрос не заметит этого? Заметит лучше, чем наш брат. Мы говорить умеем лучше, чем замечать, а последнее – уже их дело; а каково пойдет служба, когда все подчиненные будут наверно знать, что начальники их не любят и презирают их? Вот настоящая причина того, что на многих судах ничего не выходит и что некоторые молодые начальники одним страхом хотят действовать. Могу вас уверить, что так. Страх подчас хорошее дело, да согласитесь, что ненатуральная вещь несколько лет работать напропалую ради страха. Необходимо поощрение сочувствием; нужна любовь к своему делу-с, тогда с нашим лихим народом можно такие дела делать, что просто чудо. Удивляют меня многие молодые офицеры: от русских отстали, к французам не пристали, на англичан также не похожи; своим пренебрегают, чужому завидуют и своих выгод совершенно не понимают. Это никуда не годится.

Павел Степанович вспыхнул; яркий румянец покрыл его лицо, и он быстро начал мешать ложкой в супе.

Эта мысль, удивившая меня тогда еще больше той, которая ей предшествовала, сменилась скоро другими впечатлениями и недолго держалась в голове; в одно ухо вошла, а из дру-

гого вышла. Но когда эхо Синопского боя долетело до этих самых ушей, когда весь мир был поражен неслыханным в истории фактом, – истреблением крепости и значительной эскадры в несколько часов полудюжиной парусных линейных кораблей, – тогда возобновилась в уме моем давно забытая мысль и отозвалась в сердце каким-то упреком.

В Нахимове могучая, породистая симпатия к русскому человеку всякого сословия не порабощалась честолюбием; светлый ум его не прельщался блеском мишурного образования, и горячее сочувствие к своему народу сопровождало всю жизнь его и службу. Неужели мы будем приписывать одной сухой науке успех победы, зависевшей от энергической деятельности множества людей?

Во время этой беседы с адмиралом, несмотря на мои двадцать лет от роду, я вследствие особенных обстоятельств и условий нашего воспитания находился еще в том периоде жизни, когда запас школьных познаний ставит человека в странное положение на службе: при недостатке опытности честолюбие, искусственным образом развитое системой школьного образования, мешает иногда нам верно оценить свое положение в обществе и видеть множество ступеней, отделяющих нас от людей, много проживших и много сделавших. По школьной привычке мы судим еще о достоинстве людей, измеряя его экзаменным масштабом, как будто все достоинство человека заключается в количестве его ученых познаний, а не в полезных действиях его жизни. Имея эту слабость, общую почти всем молодым людям нашего века, я давал слишком важное значение скудному запасу своих познаний, не убедившись опытом, как легко все забывается и как много уже мною забыто. Этому обстоятельству я приписываю излишнюю смелость в обращении с сановниками, недопустимую условиями общественных приличий, смелость, которая внезапной импровизацией часто поражала меня самого больше, чем других. Удивительно, как медленно развивается иногда нравственное начало в человеке и как быстро совершаются в нем перевороты, изменяющие взгляд его на самого себя и на окружающую сферу.

Приписывая вспышку Павла Степановича тому, что он рассердился на меня за возражение, я надулся. Чего тут, думаю себе, обижаться возражениями; разговор неслужебный; значит, всякий может иметь свое мнение. Отчего же Александр Александрович всегда может спорить, а я не могу? – я не виноват, что я мичман.

Возобновление разговора о литературе очень скоро примирило меня с Павлом Степановичем; по выражению добрых его глаз я убедился, что он нисколько не сердится на меня за участие в споре.

– Все неудачи в литературе, – говорил Павел Степанович, – при доказанной опытности писателей происходят от того-с, что все одни и те же лица пишут. Сидит себе человек на одном месте, выпишет из головы все, что в ней было, а там и пойдет молоть себе что попало. Другое дело-с, когда человек описывает то, что он видел, сделал или испытал, и притом поработал довольно над своей статьей, и отделал ее, как следует-с. Боюсь я за «Морской сборник», чтобы с ним не случилась та же оказия-с. Когда возьмутся писать два-три человека каждый месяц по книге, то выйдет ли толк? Нужно всем помогать, особенно вам, молодые люди, вас это должно интересовать больше, чем нашего брата- старика, а выходит обратно-с. Ну, чтобы вам, например, г. Фермопилов, написать что-нибудь для «Сборника» о подъеме затонувшего судна; ведь вы сами там работали, так можете описать все как следует...

Вечером в этот день случилось со мною происшествие, оставившее неизгладимое впечатление в моем уме и сердце. Когда бора стихла, тотчас подняли рангоут и вечером после заката солнца спускали брам-реи и брам-стенги. Сойдя с марса на палубу, я увидел, что поднимают шлюпку на боканцы, и тут же наблюдал за работой. В этот день шлюп-боканцы были выкрашены, и потому лопарь талей был загнут через борт и завернут на марса- фальном кнехте. Мат не был подведен под лопарь, отчего и стиралась краска на сетках. Старший офицер был занят чем-то на шканцах, и Павел Степанович заметил вскользь об этой неисправности командиру фрегата. Абасов (командир фрегата – В..Ш.) обратился прямо ко мне, хотя на юте был офицер

старше меня, которому по справедливости и должно было сделать замечание, а не мне, так как я только что сошел с марса, где мог бы еще оставаться, если бы захотел избегать работ.

– Ступайте на бак, – сказал мне Абасов, раздосадованный тихим замечанием адмирала.

– Не за кусок ли стертой краски приказываете идти, куда не следует?

На фрегате вдруг все стихло; все слушали с величайшим вниманием, что будет дальше. Некоторые матросы смотрели с марсов вниз: к ним долетели отголоски небывалой сцены. Павел Степанович тотчас же прекратил объяснение.

– Ступайте, – сказал он мне твердым, решительным, но спокойным голосом, – за краску или другое что, вы должны помнить, что на вас смотрят и слушают вас другие.

Я пошел на бак, туда, где держат под арестом и наказывают матросов. Я пошел не потому, чтобы сознавал в этом необходимое условие военной дисциплины, а просто повинуюсь магическому влиянию власти человека, могучего волей и опытностью, чувствуя нравственное превосходство его над собою и свое бессилие. Не успел я дойти до бака, как меня догнал Александр Александрович, чтобы передать приказание адмирала о том, что с меня арест снят. Я сошел вниз; кают-компания была наполнена офицерами; у всех были бледные лица, и все громко и горячо о чем-то говорили. Я не слышал ничего; ушел в свою каюту и заплакал от злости.

Теперь только я могу спокойно вспоминать и разбирать обстоятельства прошедших невзгод, а тогда я обманывал себя разными умозаключениями, опасаясь пристально заглянуть в свое сердце и сознаться в том, что я еще не узнал себя хорошо. Всех и все унижал я перед собою и оправдывал себя во всех отношениях. С ненавистью смотрел я на бледные лица сослуживцев и только впоследствии с удовольствием думал о том, что эта драматическая сцена доказывала успех воспитания нашего общества. Успокоившись несколько от первого порыва негодования, я пошел к адмиралу объясниться: твердою рукою взялся за ручку двери адмиральской каюты, с нетерпением желая увидеть человека, который всегда превозносил достоинство дворянина и так унижил его сегодня.

Павел Степанович был сильно взволнован и быстрыми шагами ходил по каюте.

– А, это вы, Корчагин, очень рад вас видеть.

– Ваше превосходительство, я пришел покорнейше просить вас списать меня на один из крейсеров вашей эскадры.

– Зачем-с?

– После сегодняшнего происшествия я не могу служить на фрегате с охотою и усердием.

– Вы читали историю Рима?

– Читал.

– Что было бы с Римом, если бы все патриции были так малодушны, как вы, и при неудачах, обыкновенных в тех столкновениях, о которых вы, вероятно, помните, бежали бы из своего отечества?

Я молчал, потому что не был подготовлен к экзамену в таком роде.

– Нам не мешает разобрать подробнее обстоятельства неприятного происшествия. За ничтожную неисправность вам сделали приказание, несообразное с обычаями и с честью, а вы поторопились сделать возражение, несогласное с законами. Внимание всей команды было возбуждено в присутствии адмирала; неужели вы поступили бы иначе на моем месте в настоящее время, когда у нас нет устава; при таком условии начальник рискует потерять право на уважение общества и быть вредным государству вследствие своей слабости.

Сердце мое мгновенно освободилось от тяжкого бремени, и я вздохнул свободнее.

– Господин Корчагин, нужно иметь более героизма и более обширный взгляд на жизнь, а в особенности на службу. Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудие на неприятеля; матрос бросится на абордаж, ежели понадобится; все сделает матрос, ежели мы, начальники, не

будем эгоистами, ежели не будем смотреть на службу, как на средство для удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных, как на ступени для собственного возвышения. Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а действительные слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сражение? Какой там был маневр, вздор-с, весь маневр Нельсона заключался в том, что он знал слабость своего неприятеля и свою силу и не терял времени, вступая в бой. Слава Нельсона заключается в том, что он постиг дух народной гордости своих подчиненных и одним простым сигналом возбудил запальчивый энтузиазм в простолюдинах, которые были воспитаны им и его предшественниками. Вот это воспитание и составляет основную задачу нашей жизни; вот чему я посвятил себя, для чего тружусь неусыпно и, видимо, достигаю своей цели: матросы любят и понимают меня; я эту привязанностью дорожу больше, чем отзывами каких-нибудь чванных дворянчиков-с. У многих командиров служба не клеится на судах, оттого что они неверно понимают значение дворянина и презирают матроса, забывая, что у мужика есть ум, душа и сердце, также, как и у всякого другого.

Эти господа совершенно не понимают достоинства и назначения дворянина. Вы также не без греха: помните, как шероховато ответили вы мне на замечание мое по случаю лопнувшего бизань-шкота? Я оставил это без внимания, хотя и не сомневался в том, что мне ничего не значит заставить вас переменить способ выражений в разговорах с адмиралом; познакомившись с вашим нравом, я предоставил времени исправить некоторые ваши недостатки, зная из опыта, как вредно без жалости ломать человека, когда он молод и горяч. А зачем же ломать вас, когда, даст бог, вы со временем также будете служить, как следует; пригодятся еще вам силы, и на здоровье! Выбросьте из головы всякое неудовольствие, служите себе, по-прежнему, на фрегате; теперь вам неловко, время исправит, все забудется. Этот случай для вас не без пользы: опытность, как сталь, нуждается в закалке; ежели не будете падать духом в подобных обстоятельствах, то со временем будете молодцом. Неужели вы думаете, что мне легко было отдать вам, то приказание, о котором мы говорили, а мало ли что нелегко обходится нам в жизни?

Не без удивления выслушал я монолог адмирала. Куда девался тон простака, которым Павел Степанович беседовал с мичманами наверху по вечерам? Откуда взяли этот огненный язык и увлекательное красноречие? Эти вопросы задавал я себе, выходя из адмиральской каюты совершенно вылеченный от припадка нравственной болезни, с которой вошел в нее. Как опытный лекарь, Павел Степанович умел подать скорую и верную помощь; а это было ясным доказательством того, что он был великий моралист и опытный морской педагог...»

Что ж, великое счастье, что в столь трудный для России час у руля ее флота были такие флотоводцы, как Нахимов. Пройдет совсем немного времени и именно им предстоит остановить объединенную Европу, но вначале надо было дать по рукам зарвавшимся туркам.

Недели сменяли одна другую, но Нахимов упорно не покидал свою позицию. Только когда была вылиты в камбузные котлы последние бочки, командующий разрешил поворачивать форштевни на Севастополь, а оттуда ему на смену уже выходили корабли Второй эскадры, которую вместо вицеадмирала Юрьева возглавил контр-адмирал Новосильского.

В конце июня, по прошествии более полутора месяцев, эскадра Нахимова вернулась в Севастополь, а в крейсерство сразу ушла 2-я практическая эскадра Новосильского.

– Покачались по волнам, теперь и отдохновиться, чай, не грех! – радовались матросы в предвкушении съезда в город.

Но отдохнуть нахимовским командам особо не пришлось. Вице-адмирал, собрав командиров кораблей, сказал:

– Как можно скорее принять порох и ядра, взамен истрачены, и, не теряя времени, начинайте заливать водой!

– Почему такая спешка? – с тревогой спрашивали командиры.

– Ничего-с конкретного сказать не могу-с, но думается, что война уже на носу! Однако молодежь офицерскую и матросов понемногу на берег спускайте, пусть развеются, кто знает, когда еще погулять доведется!

Больше вопросов у командиров не было.

Затем Нахимов встретился с главным командиром порта Станюковичем, который был старше Нахимова и возрастом, и старшинством в чине. Дружбы между собой адмиралы не водили, по причине разности характеров, но к друг другу относились с тем уважением, которое было принято среди старых кругосветчиков. Станюкович имел репутацию отличного моряка, но в общении был не всегда приятен.

Рядом с Нахимовым, как всегда, его верный адъютант Феофан Острено (в просторечье просто Федя), ведающий не только всех хозяйством адмирала на корабле и на квартире, но и всеми его личными деньгами.

– Как отплавали Павел Степанович! – спросил после обмена рукопожатием командующего эскадрой Станюкович.

– Как всегда-с! – махнул рукой Нахимов. – Меня сейчас волнует разница в размерах наших скорострельных трубок и несоответствие им дырок в бомбах. Порой и не затолкнешь иную-с! В мирное время, это, еще, куда не шло, а в бою, терпеть такое нельзя-с! Да и холстина для картузов выдана была препаршивая-с, надо срочно заменить!

– Об этом, Павел Степанович, надо было раньше думать! А то опомнились, когда клюнуло! По картузам распоряжение отдам, а с трубками ранее, чем за месяц не управиться, это дело тонкое – артиллерийское! – пожевав губами, ответил Станюкович.

– И на том спасибо-с, Михаил Николаевич! – ответил Нахимов. – Да вот еще! – подумав, снова обратился он к командиру порта – Новые стеклянные фонари

– дрянь изрядная. При пальбе и падении разбиваются вдребезги. Надо снова менять на старые слюдяные!

– Этого добра пока хватает! – ответил, слегка улыбнувшись, Станюкович. – Приглашаю ко мне отобедать!

Нахимов хорошо знал дом командира порта на Екатерининской. Особым хлебосолом Станюкович никогда не был, врожденная скупость усугублялась семидесятилетним возрастом. А потому приглашение отобедать следовало расценивать как высшее расположение с его стороны. Отказывать в визите было неудобно, но времени на это у командующего эскадрой просто не было.

– Спасибо, Михаил Николаевич, но как-нибудь в другой раз, сами понимаете, дел невпроворот!

– Понимаю, понимаю! – покачал головой Станюкович, и лицо его сразу стало опять хмурым. – Всего вам доброго!

Со смотрящих на внутреннем рейде кораблях доносился визг пил и крики боцманов. Работа шла круглые сутки.

Впрочем, в те тревожные дни у черноморцев были и минуты торжества. В июле в Севастополь из Николаева прибыли только что законченные постройкой линейные корабли 84-пушечная «Императрица Мария» и 120-пушечный гигант «Великий князь Константин». С вступлением их в строй, боевая мощь Черноморского флота сразу значительно возросла. Прибытие новиков Севастополь встретил с восторгом. Корабли проверили на маневренность и ходкость. И то и другое было выше всех похвал.

Линейный корабль «Императрица Мария» под парусами

Горожане и отставные матросы специально заворачивали на Графскую, чтобы поглазеть на флотское пополнение.

– Ай, да красавцы, ай, да лебедушки! – радовался, прикуривая трубку, старый матрос с серьгой в ухе.

– Кабы у нас в прошлую войну с турками такие короба были, мы до самого Египту бы гололобых гнали! – поддержал его старик с двумя затертыми медалями на груди.

Мимо глазающих в гудении парусов прошел фрегат «Коварна»

– А этот куды направилси? – оборотились старики к стоявшему поодаль констапелю с «Ягудила».

– Куды-куды, да к проливу Босфорскому поплыл турка сторожить! – ответил тот со значением. – Нешто не понимаете, время нынче какое?

– Мы-то понимаем! – затрясли бородами старики. – Туды, в свое время, мы ужо наплавались!

В воздухе пахло морем и смоленой пенькой. Над бухтой, тревожно крича, носились чайки.

29 июля весь Черноморский линейный флот в составе 14 кораблей сосредоточился на внешнем рейде Севастополя, готовый в любую минуту выйти в море. Одновременно легкие суда, поочередно сменяясь, продолжали следить за малейшим передвижением турок по всему Черному морю. Едва флот собрался в Севастополе, Корнилов снова вывел его на внешний рейд, где в течение недели отработал маневрирования в морском бою.

Севастополь. Вид с моря

Затем одна часть флота под началом самого Корнилова двумя колоннами атаковала Севастополь. Обороняющаяся эскадра контр-адмирала Панфилова поджидала атакующих стоя в одну линию носом к выходу из бухты. С атакующих кораблей спустили барказы, после чего эскадра пошла на прорыв в Севастопольскую бухту. Над флагманским «Двенадцати Апостолах» трепетал сигнал Корнилова: «Поставить все паруса. Сделать по три выстрела из каждого орудия, начиная по второй пушке адмиральского корабля».

При прохождении береговых батарей с них по кораблям палили холостыми зарядами. Пройдя Павловскую батарею, барказы с десантом отделились от кораблей и устремились к берегу под прикрытием пароходов «Владимир» и «Грозный». Линейные же корабли сблизились с обороняющимися кораблями Панфилова.

– Поднять сигнал: Поставить противника в два огня! – распорядился Корнилов. Флагманский корабль Корнилов направил к четвертому в линии кораблю «противника», бросив якоря в предельной близости от него. Остальные корабли атакующей эскадры, обходившие авангард Панфилова, с двух сторон, заняли позицию, взяв обороняющихся «в клещи». В свою очередь, Панфилов развернул свои концевые корабли поперек бухты и те открыли продольный огонь по двум атакующим колоннам. Над бухтой стояла стена черного дыма, так как со всех кораблей палили на совесть. Апогеем дня стала высадка на берег десанта, когда здоровенные матросы с ружьями наперевес и криком «ура», лихо атаковали прибрежные скалы. Впереди, отчаянно размахивали саблями, бежали веселые мичмана. Местные барышни буквально визжали от восторга, глядя на своих храбрых кавалеров. Но больше всех в тот день радовались облепившие берег мальчишки, не каждый день доведется увидеть настоящее морское сражение!

Докладывая Меншикову о результатах учебного боя, Корнилов писал: «Спуск гребных судов с роств перед входом и потом проводка их между крепостей внутри колонн и, следовательно, прикрытыми от крепостных выстрелов и, наконец, установление кораблей на позицию, бросая якорь с кормы, составили главный предмет предпринятого маневра. Я теперь вполне убедился, что корабли в этом новом для них случае не затруднятся, когда это от них потребуются».

С Нахимовым Корнилов был более откровенен:

– Мы не только проверили готовность флота к высадке десанта, но и нашу готовность отразить нападение на Севастополь с моря! При этом если за первое я спокоен, то за второе, наоборот, тревожусь, так как флот неприятельский, пусть с большими потерями, но прорваться в бухту все же может! А потому надо изыскивать новые средства к обороне бухты!

– В крайнем случае, можно будет притопить на входном фарватере несколько старых блокшивов с камнями, – подумав, высказался Нахимов. – А входить в бухту двумя колоннами получается куда выгоднее, чем одной! Владимир Алексеевич, я уже переслал в николаевскую канцелярию отчеты о проведенных в июне маневрах!

– Сейчас уже не до отчетов! – пожал ему на прощанье руку начальник штаба флота. – Надеюсь, день сегодняшний дал нам всем пищу для мыслей как о бое наступательном, так и о бое оборонительном.

* * *

В начале сентября к Дарданеллам подтянулись британская эскадра вицеадмирала Дундаса и французская вице-адмирала Ласюсса. Флаг британского командующего развеялся на 20-пушечной Британии», флаг французского на 112-пушечном «Вилле де Париж». Вскоре после этого авангарды союзников вошли в теснины Геллеспонта и бросили якоря в Мраморном море. Контрадмирал Лайонс демонстративно поставил новейший винтовой 90-пушечный «Агамемнон» вблизи Константинополя. Орудийные порты линейного корабля были открыты.

Это было уже вызовом, ибо в Лондонской конвенции о проливах утверждалось, что «проход через проливы Дарданелл и Босфора постоянно остается закрытым для военных иностранных судов, пока Порта находится в мире». Теперь у султана исчезли последние сомнения в том, что англичане и французы не оставят его один на один с Россией.

А сведения из Турции приходило одно тревожнее другого: на азиатской границе турки собирали большое войско, был объявлен и сбор местного ополчения-редифа. Наконец, в конце июля в Константинополь прибыла отборная египетская дивизия, еще одна была на подходе. Султан обратился к Англии и Франции, прося их добиться отвода русских войск из дунайских княжеств. Англо-французская эскадра по-прежнему стояла на якорях у Дарданелл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.